

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

В клубе "Юнион" состоится

Концерт Марины Ивановны Долиной

Въездной биржи
Въезде, въезде в странеГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (75).

Март. 2010 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

БОРИС,
ТЫ ПРАВ!

В начале было Слово. Мы помним об этом. Но куда реже думаем о том, что, в конце концов, все определяется Делом. Это и есть главная мера.

Борис Давидович Литвак совершил, казалось бы, невозможное. Его Дело — это открытый в 1996 году Дом с Ангелом — Детский реабилитационный центр для детей с патологией центральной нервной системы и опорно-двигательного аппарата. Но для того чтобы открыть Центр, нужно было его с нуля построить. Нужно было собрать высокопрофессиональный медицинский персонал, поддерживающий идею благотворительной помощи. Нужно было все последующие годы ежеминутно жить этим своим детищем, доставать деньги на оборудование и зарплаты, строить гостиничный комплекс для приезжих детей и их родителей, причем по евростандартам, создавать в Центре театр, галерею, а значит, атмосферу человеческого тепла.

Как все это удалось Борису Литваку? Думаю, важно даже не то, что он отдавал себя все 24 часа в сутки, не только то, что он окружил себя не помощниками, а соратниками. Мне кажется, что Борис Литвак создавал Центр, этот Дом с Ангелом, но в то же время Центр создавал такую уникальную личность, как Борис Давидович Литвак, все помыслы которого были сосредоточены на поставленной цели.

Естественно, к этому были предпосылки. Бориса Литвака воспитала Одесса, отображением которой он является — с ее юмором и героизмом, толерантностью и жизнелюбием.

Бориса Литвака воспитала Великая Отечественная война, которая навалилась на всех и на 11-летнего Боря с мамой. С мамой рядом он работал на заводе — для фронта. Рядом с мамой не мог сдержать слез радости, узнав, что Одесса освобождена от фашистов.

Бориса Литвака воспитал спорт. И он впоследствии воспитал тысячи мальчишек и девчонок, преданных спорту.

Бориса Литвака воспитали замечательные писатели, я мог бы называть многих и многих. Но, прежде всего, я вспоминаю Ильфа и Петрова, Исаака Бабеля, чья мысль: "Мы рождены для наслаждения трудом, дракой и любовью, мы рождены для этого и ничего другого", — стала жизненным девизом Бориса Давидовича.

Почетный гражданин Одессы. Думаю, для Литвака это самое точное определение. Правда, до того как город присвоил ему это высокое звание, Всемирный клуб одесситов, по инициативе Михаила Жванецкого, дал Борису Литваку свою высшую награду — Почетный одессит. И это тоже было признанием того Дела, которому посвятил себя этот человек.

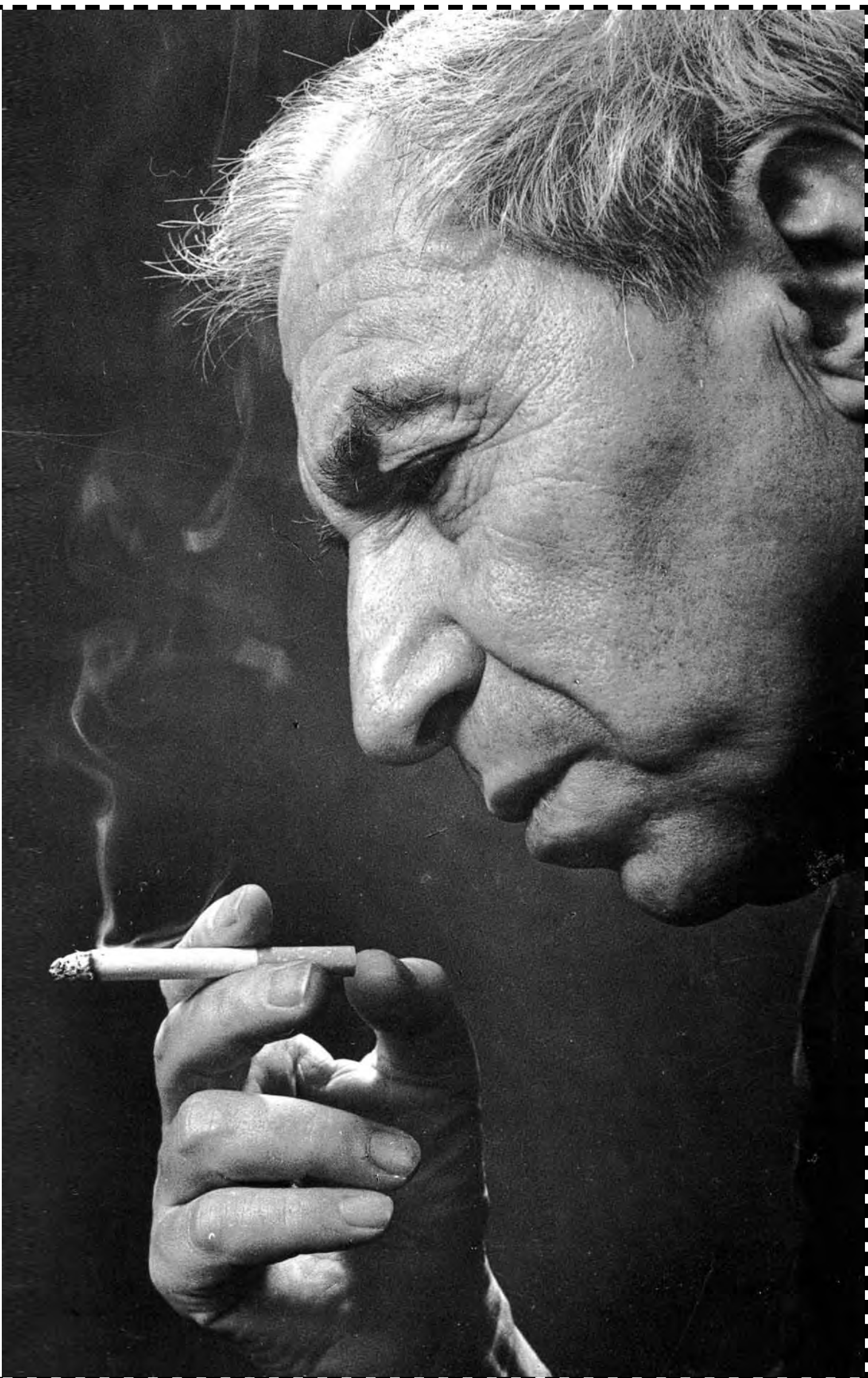
Наслаждение трудом, дракой и любовью — это именно о нем, это именно его постоянное состояние.

В марте 2010 года Борису Давидовичу Литваку исполняется 80 лет. Мы знакомы больше пятидесяти лет. Не всегда я понимал каждое слово, сказанное Литваком. Но прохожу по улице Пушкинской, смотрю на Дом с Ангелом и вновь думаю, что Дело перевешивает все понятые и не понятые мной когда-то слова, и говорю себе, читателям газеты, любимому городу и юбиляру:

— Борис, ты прав!

И поздравляю этого замечательного нашего современника с восьмидесятилетием, с Делом, которое стало частью нашего города, самой насущной за последние годы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Фото Елены Мартынюк.

Дорогие друзья, я являюсь постоянным читателем вашего сайта.

С уверенностью и удовлетворением могу отметить, что по качеству помещенной в нем информации и ее разнообразию ваш сайт исключителен.

Убежден, что ваш сайт с интересом читается не только одесситами и их соотечественниками, живущими вне Одессы, но и многими пользователями Интернета. Несомненно, это окно в Одессу для одесситов за рубежом.

Мне бы хотелось, чтобы ваш сайт был окном для одесситов в "Зарубежную Одессу". В связи с этим было бы желательным, чтобы вместо опции "Наши за рубежом" вы ввели в сайт раздел "Зарубежная Одесса". Такой раздел позволит еще теснее сплотить одесситов под лозунгом: "Одесситы всех стран, соединяйтесь".

Вольф Шнайцман
wolfshn@gmail.com

С истинным удовольствием прослушала интервью на "Видеотеке клуба". Прочитала и материалы.

Конечно, особенно заинтересовал Олега: все-таки в доме Ольги Туртавовны я провела много времени. Может, личные воспоминание о ней, Лидии Туртавовне, и Викторе Шкловском окрашивают мое знание в более теплые тона, чем у автора материала.

Словом, спасибо за приятное время, которое я провела в вашей компании, листая страницы "Всемирных одесских новостей".

Здоровья вам, сил и удачи!

С уважением, Зина
zina2403@gmail.com

Глубокоуважаемый Евгений Михайлович!

Сегодня открыл сайт клуба. Узнал о юбилее газеты. Поздравляю! Пусть задним числом. Узнал о выходе книги "Кирсанов до Кирсанова". Ее еще можно выпустить? Что еще вы издали в период с 2007 по 2010? Теперь мои контакты с Одессой прекратились — и я ничего не знаю о ваших новинках. Априори подписываюсь на все новое! Мне без Одессы жизнь не в жизнь. Мой "Одесский текст" прирастает.

Вам Юрий Линник
YuLinnik@yandex.ru

Дорогие одесситы!

Помогите найти информацию о моем прадеде, одессите, который работал за-

ведующим Мореходной школой Одессы, — Николае Ивановиче Шварце (17.11.1875-12.06.1923). Школой он руководил приблизительно около 1912-1914 гг., а может, дальше, у меня есть групповые фото того времени, там же в то время учился и мой дед Николай Николаевич Шварц (1898-1977). Я хочу составить родословную, и мне очень хотелось бы знать о его родителях, откуда они, какого рода-племени.

Бабушка рассказывала мне, что род Шварц происходит из Германии от Барона фон Зиден Шварца и появился здесь во времена правления Петра I (строительство корабельных верфей). Знаю, что у Николая Ивановича Шварца было шестеро детей, умер он в селе в годы голодовки под Одессой, то ли Веселое, то ли Нечаянное, в возрасте 48 лет от сердечного приступа. Моя бабушка Надежда Николаевна Шварц-Волкова (03.02.1903-16.06.1994) — одесситка, очень любила родной город, но, увы, после эвакуации в Среднюю Азию так и не смогла вернуться назад, в Одессу.

Очень надеюсь, что вы мне поможете в моем поиске сведений о прадеде.

С благодарностью,

Ольга Ермишина
ermishina54@mail.ru

Уважаемый Леонид!

Это еще одна попытка представить новый Сан-францисский клуб одесситов.

Пожалуйста, ответьте.

Президент клуба

Алан Слепой
alanslepoj@gmail.com

Спасибо за Ваше участие в нелегком процессе передачи информации и средств отсюда туда.

Прилагая чек на 30 долларов, прошу передать Лене Рукману, что все остающееся после компенсации за пересылку мы даем в поддержку Всемирного клуба одесситов.

С уважением,

Лариса и Моисей Симбер,
Лос-Анджелес

Помогите найти Александра Рихтера.

Александр одесский художник и поэт, живет в Америке.

Меня зовут Вольф (Вилья) Дерлиер, одессит, архитектор, живу в Израиле.

С Александром работал в 1969-1970 годах в художественной мастерской Ефима Штигельмана. Вся жизнь

вспоминаю этого удивительного человека. Заранее благодарен за помощь.

Привет родной Одессе!

Вольф Дерлиер
wolfarch@012.net.il

Уважаемый Леонид!

Я бы хотела приобрести книгу "Венок Мандельштаму". Как это можно сделать? Я живу в Израиле и готова как-то возместить все расходы...

Эстер

Уважаемая Эстер!

Книгу "Венок Мандельштаму" клуб издал в 2001 году (тираж всего 200 экземпляров), и в настоящее время этой книги в наличии нет. Из этой же серии (подготовкой и изданием этой серии в клубе занимался вице-президент клуба Евгений Толубовский) есть только книги:

Перикл Ставров. "На взмахе крыла". В.МВ, Одесса, 2003

Семен Кирсанов. "Кирсанов до Кирсанова". "Зодиак", Одесса, 2007

На сайте клуба (www.odessitclub.org) расположен баннер "Книжной полки клуба" <http://www.odessitclub.org/bookshelf/bookshelf.php?page=1>

Посмотрите. Там представлено более 400 книг по одесской тематике и книг авторов одесситов. Мы можем помочь в приобретении этих книг.

С уважением,

Леонид Рукман,
директор
Всемирного клуба одесситов

День добрый!

Я одессит, мне 57 лет, капитан дальнего плавания, работаю и живу в Германии, но с Одессой не расстаюсь.

Хочу, чтобы с моими рассказами ознакомились те, для кого и о ком, собственно, они были написаны.

С радостью приму членство в Клубе. Если нужны подробности, и у вас найдется для этого время, можно просто набрать в "Тутле" мою фамилию.

С благодарностью и уважением,

Евгений Кескюль

Посылаю фотографию памятника жертвам Катастрофы в Одессе, который был установлен под Сан-Франциско в мае 2008 года на средства, собранные одесситами. Каждый одессит, приезжающий в наш город на время или навсегда, приходит на это место склонить голову.

Алан Слепой

Дорогой Павел Михайлович Цацгер!

Поздравляю Вас со славным Юбилеем — 90-летием, и желаю Вам хорошего здоровья, благополучия Вам и Вашей семье, творческого и жизненного долголетия!

Зная Вас более 50 лет, всегда поражалась Вашей неиссякаемой энергии, большому диапазону Ваших увлечений и огромной работоспособности.

Мне довелось работать непосредственно под Вашим руководством начальника изыскательской экспедиции, позже — начальника отдела изысканий института "Тирпрофил" в г.Одессе, и я видела, с каким уважением и любовью относились к Вам наши сотрудники, советуясь с Вами по работе, а также доверяя Вам случавшиеся личные переживания, к которым Вы были не безразличны, и всегда давали добрые советы.

Ваша переписка с поляриками, космонавтами, а также с известными и знаменитыми людьми во многих областях искусства, науки, литературы — это тема особого разговора. Я только хочу отметить, что все, к чему Вы обращались, отвечали Вам, даря свои автографы и теплые слова уважения.

Четыре книги, подготовленные и выпущенные Вами уже в Америке, полностью разошлись и были встречены читателями с большим интересом.

Ваши публикации в русскоязычных газетах Америки отражают Ваши всесторонние знания и всегда читаются с большим удовольствием.

Знаю, что Вы переписываетесь и переживаетесь со многими бывшими коллегами, проживающими не только в Одессе, а и в других местах, куда их забросила судьба, — в разных городах Америки, Германии, Израиля, Австралии. Глубокое взаимное уважение слачивает вас.

Дорогой Павел Михайлович! Ваша жизнь достойна подражания, Вы неординарный человек, безгранично любящий жизнь, родную Одессу, людей и общение с ними.

С уважением и любовью,

Тамара Ратчун

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Евгений ДЕМЕНОК

Экскурсии по художественной Одессе

Туризм с каждым годом является для Одессы все более важным источником поступления денег — как в городскую казну, так и в карманы мелких и средних предпринимателей. Туризм в любом его виде — классический отдыхательный, оздоровительный, деловой и даже секс-туризм. По моему мнению, роль и важность его будут только возрастать. Арт-туризм — это новое направление, новый тренд во всем мире, который можно и нужно развивать и у нас. Ведь у нас жили, учились, работали и выставлялись такие всемирно известные художники, как Михаил Врубель и Валентин Серов, Иван Айвазовский и Василий Кандинский, Исаак Левитан, Александра Экстер, Давид Бурлюк и, конечно же, Кириак Костанди. В Одессе родился автор Севастопольской и Бородинской панорам Франц Рубо, известный дизайнер и одна из основоположниц орфизма Соня Оклоне. Михаил Врубель окончил с отличием Ришельевский лицей. Валентин Серов преподавал в нашем художественном училище, а Давид Бурлюк учился в нем.

Однако эта сторона культурного наследия нашего города до сих пор остается в тени. Одесса больше знаменита как колыбель и вдохновительница знаменитой плеяды писателей и музыкантов, что и нашло свое отражение в памятных знаках города — мемориальных досках и памятниках. Всем без исключения значительным одесским писателям и музыкантам установлены мемориальные доски, в ближайшее время в городе появится памятник Исааку Бабелю, герои Валентина Катаева Петя и Гаврик давно уже украшают один из городских скверов. Гости города могут наслаждаться прекрасными экскурсиями по литературной Одессе, которые проводят сотрудники Литературного музея, и не только они.

Экскурсии по "художественной" Одессе не проводит никто. А ведь это не менее значительный пласт истории нашего города, который мог бы стать популярным и дать толчок арт-туризму. Маршрут по художественной Одессе мог бы включать в себя визит к местам, где жили и работали выдающиеся художники, а заканчиваться в Одесском художественном музее, где экспонируются их работы. Безусловно, необходимо установить памятные знаки. Парадокс — в честь Кириака Костанди названа улица и художественная школа, но на доме номер 46 по улице Херсонской, где он жил, нет мемориальной доски. Уверен, что нынешние обитатели дома в большинстве своем не догадываются о таком знаменитом соседстве. Мы уже работаем, и будем продолжать работать над установкой мемориальных досок выдающимся живописцам.

Это исторический срез. Однако для арт-туризма жизненно необходим также срез современный. К счастью, тут у нас дела обстоят неплохо. Если посмотреть список художников, чьи работы попали на первый "украинский стринг" аукциона "Сотбис" в этом году, то из семнадцати имен трое одесситов — Оксана Мась, Александр Ройтбурд и Игорь Гусев, один харьковчанин, Павел Маков, все остальные — киевляне. То есть наша художественная школа по-прежнему сильна. Кроме них есть еще Стас Жалобнюк и Владимир Кожухарь, Ольга Котова и Вадим Бондаренко, Глеб Шароглазов, более известный как APL 315, который практически непрерывно выставляется в Европе, притом, что ему всего 21 год.

Но их имена хорошо известны в узких кругах любителей искусства. Правильно было бы, чтобы эти имена узнало гораздо большее количество одесситов. Для этого надо вынести искусство на улицы. Это происходит во всем мире — объекты современного искусства экспонируются на улицах и площадях крупнейших городов. Лувр создал передвижную экспозицию качественных фотографий своих шедевров, и их сейчас могут увидеть люди, которые наверняка не побывают в Париже, — они выставлены под

Фото Олега Владимировского

открытым небом в Гаване, до этого выставлялись прямо на пляже в столице Уругвая Монтевидео.

Не нужно бояться быть смелыми и необычными. Только смелость и новаторство становятся потом примером для подражания. Пустующие унылые плоскости заборов, заводских корпусов и стройплощадок нужно отдать художникам. Музей граффити под открытым небом — вот что просится в Одессе. Но не только он.

Несколько лет назад московский коллекционер, перебравшийся жить в Грузию, начал выставлять живопись из своей коллекции прямо на улице — Ленинградской улице в Грузифе. Сначала это шокировало местных жителей, а теперь стало достопримечательностью. Это начинание стало настолько известно и популярно, что в апреле в Академии искусств Украины прошла выставка "Грузифские сезоны. Улицы". Лучшие современные художники: Александр Ройтбурд, Олег Тистол, Александр Гнилицкий, Влада Ралко, Александр Бабак и многие другие — выставляют свои работы под открытым небом. А туристы приезжают специально, чтобы их увидеть. У нас таким местом мог бы стать Воронцовский переулок — он расположен в самом центре, достаточно камерный и удобен для выставок. Уверен, через год-два после начала осуществления таких проектов у нас не будет отбоя как от туристов, так и от художников, желающих выставиться.

Популяризация искусства стала в последние несколько лет заметным трендом везде. В московском метро рядом с рекламой можно увидеть репродукции шедевров из Третьяковской галереи и Русского музея. У нас нет метро, но есть билборды и ситилайты. А еще есть много некрассивых заборов, на которых можно размещать баннеры с репродукциями произведений классиков и современных художников. Одессе есть чем гордиться и есть что показать, но на выставки ходит один и тот же довольно узкий круг любителей искусства. Вынес его на улицы, мы увеличим число поклонников одесской живописной школы в разы. Кроме того, баннеры можно регулярно обновлять и не придется красить заборы, как в случае с граффити.

Еще одно важнейшее дело, которое может сдвинуть ситуа-

цию, — открытие большого муниципального музея современного искусства. У нас есть много галерей, два музея с классической живописью и даже Музей современного искусства Одессы (банка "Пивденный"). Но все эти места камерные, в любом крупном городе есть множество таких же. Настоящему выделяться можно только крупным проектом.

Сразу приходит на ум Бильбао — довольно-таки провинциальный испанский город, который никогда не входил в общепризнанные туристические маршруты по Испании, не является курортом, расположен довольно неудачно для путешественников и не отличается особенно хорошим климатом. Зато там есть Музей современного искусства — филиал Музея Соломона Гугенхайма. Его построили совсем недавно, в 1997 году, и здание настолько необычно и потрясающе, что сразу стало признано одним из наиболее зрелищных в мире сооружений. Знаменитый американский архитектор Филип Джонсон даже назвал его "величайшим зданием нашего времени". И теперь туристы со всего мира специально летают в Бильбао, чтобы увидеть знаменитый музей.

Этот пример стал настолько разительным, что в Перми уже завершился архитектурный конкурс по строительству нового Пермского художественного музея. И не просто музея — это амбициозный проект: построить новый культурный центр — градообразующий ультрасовременный музей, камский вариант музея Гугенхайма в испанском Бильбао. В конкурсе принимали участие ведущие архитектурные бюро мира. Более того, Пермь сейчас позиционирует себя как культурная столица России, а речной вокзал власти отдали под крупнейший в стране Музей современного искусства.

А ведь Пермь далеко не такой привлекательный в туристическом плане город, как Одесса. И мегаполисом его назвать сложно — население, как у нас, чуть больше миллиона. Почему бы и нам не попробовать хотя бы начинать задумываться о таком проекте?

И наконец, фестивали. Юморины и День города — это здорово, но этого мало. Сегодня фестивальной столицей Украины является Львов, причем он получил

этот статус буквально за последние несколько лет. В городе и за городом под открытым небом проводятся самые разные фестивали: этнические, музыкальные, театральные, детские и даже кофейные. Всего во Львове ежегодно проводится более 100 фестивалей! Фестивали — это то, что не требует огромных затрат, только правильной организации, поддержки властей и может привлечь к нам очень много туристов. Пора уже создавать "Арт-Одессу" наряду с "Арт-Москвой" и "Арт-Киевом". Одесское биеннале наряду с Венецианским. Это странно слышать и читать, но в Украине не проводится ни одного конкурса живописцев или графиков. Музыкальные, литературные — пожалуйста, сколько угодно, а художественных просто нет. Если подсушить, мы можем стать первыми.

Я уже молчу об уличных фестивалях — стрит-фестах, которые, например, в Чикаго проводятся каждые выходные в разных частях города. Но это уже другая история.

Гравюра Геннадия Верещагина

Фото Александра Синельникова

Имя ученого-курортologa и физиотерапевта доктора Моисея Самойловича Беленького было хорошо известно нескольким поколениям одесситов, да и многим другим людям, проживавшим далеко от Одессы, в разных городах и республиках.

Родился Моисей Самойлович в очень дружной многодетной еврейской семье в селе Германовка на Киевщине в мае 1892 года. У него были шесть братьев и две сестры, из которых одна была сводная. Мама его умерла от воспаления легких в 1905 году. Его отец Самуил Еремеевич был агрономом, человеком энергичным, деловым и вполне светским. Он высоко ценил в людях активность, любознательность и образованность.

В результате полученного воспитания и, несомненно, личных способностей Моисей Самойлович на всю жизнь сохранил любовь к слову, рисованию, к художественной фотографии и лошадам. Рисовальщик он был вполне профессиональный. Наконец, Самуил Еремеевич дал всем детям высшее образование, причем трем старшим сыновьям — за границей.

Герой нашего очерка окончил Киевский университет в июле 1916 года. (Это был последний дореволюционный выпуск.) В его дипломе записано: "...утвержден в степени лекаря с отличием". После окончания ему были сделаны три предложения работы: в детской клинике (профессор Румянцев), в хирургической клинике (профессор Дитерихс) и на кафедре глазных болезней (профессор Шиманский). От всех соблазнительных предложений он отказался, так как стремился на фронт, в действующую армию. Два его старших брата уже воевали. Тогда в армию призывали всех выпускников университета, годных к военной службе. Однако медицинская комиссия, обнаружив у Моисея Самойловича порок сердца, отсрочила его призыв на год. Но он торопился. Война вступила в третий год. Ведь она не может долго длиться! Вот что он записал в своем дневнике: "Я должен быть на фронте, должен испытать войну. Если война закончится, а я эти годы проведу в тылу, я потом не прощу себе этого никогда. Мне будет стыдно потом признаться, что я избегал участия в войне...".

27 июля он отправился в отдел формирования для Юго-Западного фронта передовых хирургических отрядов специального назначения. Такие отряды должны были как можно раньше подбирать на поле боя раненных в живот и череп, с тем чтобы не позже, чем через 4-5 часов, подвергнуть их операции. Только в таких случаях можно было рассчитывать тогда на спасение раненого. В отделе он подал заявление о зачислении добровольцем в действующую армию. После продолжительной беседы ему сказали: "Вы нам подходите. Мы зачисляем вас в передовой хирургический отряд при Первой Заамурской дивизии, которая сейчас ведет бои в районе Черновцов".

После февральской революции в армии начался развал, но бюрократическая машина продолжала работать, и врач М.С. Беленький был отозван с фронта в Киев в связи с истечением отсрочки от военного призыва. Там его ожидало направление в распоряжение санчасти Румынского фронта. Внезапно в судьбу доктора вмешалась болезнь, и только после двухмесячного пребывания в больнице, ближе к осени, Моисей Самойлович приехал в Одессу, где располагалось управление упомянутой санчасти. С вокзала он двинулся к коменданту города (Преображенская, 18). В комендатуре ему дали направление в общежитие младшего офицерского состава, которое находилось в помещении кофейни Амбарзак (Греческая угол Преображенской). В управлении санчасти (Херсонская, 60) его зарегистрировали и приказали ждать особое распоряжение.

Таким образом, молодой доктор на новом месте оказался обладателем свободного времени. И он его использовал для знакомства с городом, его достопримечательностями, магазинами, его доброжелательными жителями — людьми многих национальностей, его окрестностями и пригородами и, конечно же, с морем. Особенно его заинтересовали лиманы — Куяльницкий и Хаджибеевский. Он даже начал изучать

литературу по лимановедению и грязелечению.

В то же время у него начали появляться знакомства среди коллег. Произошло это благодаря одесскому родственнику — кузену отца будущему профессору литературы К.Б. Бархину. Сперва — с главным врачом Еврейской больницы К.Б. Пурицем и его супругой, крупным хирургом профессором Я.В. Зильбербергом и невропатологом профессором С.С. Налбандовым. В общем, в Одессе все было для него уютно и привлекательно.

Октябрьские события докатились до Одессы во второй половине ноября. И в связи с полной переменой власти надо было думать о работе. Иногда удавалось дежурить в аптеках и временно работать на "скорой помощи". Наконец, удалось получить работу ординатора в сыпнотифозном госпитале, находившемся на территории бывшей Стурдзовской больницы. Тогда пребывание в Одессе еще казалось Моисею Самойловичу событием временным.

С конца 1917 года и до 8 февраля 1920 года Одесса переживала смутный период своей истории — много-

дробно рассказав в книге "Очерки по истории грязелечения в Одессе" (Одесса, 1959).

В 1928 году в Одессе был создан Украинский институт курортологии, куда Моисей Самойлович был приглашен на должность заведующего бальнеофизиотерапевтического отделения (БФТО). Он руководил внутренним обустройством и оснащением современным импортным оборудованием корпуса БФТО известного Лермонтовского санатория. Этому предшествовала целевая командировка М.С. Беленького в Германию.

В 1931 году Моисей Самойлович организовал при Одесском институте усовершенствования врачей кафедру физиотерапии и курортологии. Ею он руководил до 1953 года. Причина ухода с этой должности — перевод института в другой город.

В 1930 году произошло важное событие и в личной жизни ученого. Он женился на удивительно красивой девушке Лидии — дочери известных в Одессе врачей супругов Ландесман, в прошлом владельцев санатория, располагавшегося на морской стороне улицы Черноморской. Между молодоженами была большая

отведено "простым людям" (хотя таковых не бывает): конюхам, охранникам, плотникам, садовникам, санитаркам, домашним работницам и т. п.

Моисей Самойлович любил животных, а лошадей вообще обожал. Когда внуку (нашему с Лилей сыну) исполнилось шесть лет, дедушка договорился с конюхом института им. В.П. Филатова об обучении внука верховой езде и общению с лошадьми. Он внимательно следил за исполнением своей инициативы.

Особого внимания заслуживает разговор об отношении Моисея Самойловича к художественному творчеству. Он собирал старинные курительные трубки и мундштуки, книги и картины. Еще с дореволюционных лет увлекался художественной фотографией, бережно хранил фотографии и даже негативы на стекле, которые были им отсняты во время первой мировой войны. Потомки Моисея Самойловича бережно хранят альбомы с его карандашными и чернильными зарисовками. Некоторые из них — просто великолепны. В качестве примера укажу на две: И. Бабель и А. Ахматова. Первая сделана в домашнем кабинете

му с благодарственным групповым и, что надо подчеркнуть, сугубо дружеским посланием. Подписано оно людьми, которые навсегда вошли в историю отечественной науки.

В конце лета 1954 года к М.С. Беленькому на дачу пришли два человека и пригласили его в качестве врача к Патриарху всея Руси Алексию Первому, который отдыхал в Одессе на Архиерейской даче в монастыре на 16-й станции Большого Фонтана. На следующий день за врачом приехали в большой шикарной машине иностранной марки (как позже стало известно, машина была подарена Патриарху канадским Митрополитом). Первым человеком, встретившим врача, был Одесский архиепископ Никон, проводивший гостя не то к кабинету, не то к приемной Патриарха. Когда туда открылась двухстворчатая дверь, за ней стоял Патриарх. На гостя приветливо смотрели живые, умные и красивые глаза. Патриарх дружески протянул обе руки со словами: "Здравствуйте, Моисей Самуилович, я много хорошего слышал о Вас в Москве. У меня вся надежда на Вас". Вначале беседа шла на медицинские темы, но потом перешла и на другие. Видно было, что собеседникам интересно и они получают от разговоров удовольствие. После этого случая Моисей Самойлович пошел Патриарху в течение трех лет. Кроме того, они обменивались письмами. (Письма Патриарха сохранены в домашнем архиве.) Однажды Его Святейшество пригласил Беленького в Москву. Патриарх очень гостеприимно принял Моисея Самойловича у себя, в Патриарших покоях на Арбате. И очень приглашал к себе в гости в Троице-Сергиеву лавру.

Вспоминая об этом знакомстве, Моисей Самойлович говорил, что Патриарх был интересным и высококультурным человеком, что он свободно говорил по-французски и по-немецки и что, по-видимому, у него было немало друзей из нерелигиозного мира.

Почти три десятилетия, то есть вплоть до дня смерти М.С. Беленького, судьба подарила мне счастье ежедневного общения с ним. Поэтому смею утверждать, что круг его почитателей и знакомых разной степени близости был колоссален. То, что сказано выше, — это только примеры, хотя и достаточно показательные.

В летнее время Моисей Самойлович жил с семьей на даче, расположенной на Французском бульваре. Там очень часто раздавался скрип входной калитки, редкий день проходил без гостей. Это были и одеситы, и приезжие из самых разных городов и областей. Его дом был открыт не только летом, но и зимой.

Пора коснуться сугубо научной деятельности М.С. Беленького. Им опубликовано более 160 научных работ, в том числе 7 монографий. Основные посвящены теории и практике грязелечения. Его исследования по обоснованию различных методов грязелечения получили широкую известность и по настоящее время сохраняют свое научное и практическое значение. Он был автором многих оригинальных методик осуществления грязевых процедур. Другой областью научных интересов ученого были вопросы курортного лечения болезней суставов: артроза и ревматоидного артрита. Его исследования в этой области имеют широкую известность. Среди трудов Моисея Самойловича немало работ, посвященных организации курортного дела и истории курортов.

10 ноября 1982 года М.С. Беленький работал в библиотеке Института курортологии и там же выступал с докладом. Вечер того же дня прошел спокойно. Были гости — коллеги. После вечернего чаепития, просмотра телевизионной передачи и чтения газет вся семья погрузилась в сон. Когда утром следующего дня я проснулся, в спальне родителей было спокойно. Примерно через час после этого я приехал на работу. Вскоре на моем столе зазвонил телефон: — Приезжай немедленно, папе очень плохо, — произнесла моя жена и бросила трубку.

Ее голос говорил мне больше, чем слова... Вся семья была потрясена случившимся несчастьем. М.С. Беленький скончался на 91-м году жизни. Так из жизни ушел человек широких интеллектуальных возможностей и носитель высокого человеческого достоинства.

Владимир СЕРЕБРО КУРОРТОЛОГ

кратную смену властей и иностранную интервенцию. По мере приближения к Одессе Красной Армии командование Белой армией объявило в городе всеобщую мобилизацию. И тогда формировались госпитали, которые направлялись в сторону Киева. Моисей Самойлович от призыва уклонился. Он даже оставил службу в госпитале, хотя у него были с коллегами по работе великолепные отношения, и поменял квартиру. На его решение повлияли, несомненно, два обстоятельства: страшные итоги правления белых (в его воспоминаниях есть такая фраза: "...в результате хозяйничанья белых Одесса была доведена до последнего предела разорения и упадка") и активное участие троих родных братьев в революционном движении. Кстати, один из них погиб в войне с белополяками, а двое в тридцатые годы стали жертвами большевистской репрессивной машины.

Когда в Одессу вошла Красная Армия, М.С. Беленький предложил себя для борьбы с сыпным тифом. Суть его инициативы заключалась в развертывании госпиталя на 200 коек в течение двух дней на базе того, что сохранилось от его прежнего места работы. Это предложение было принято, и его назначили главным врачом госпиталя, получившим название "408-й полевой запасной эпидемический госпиталь". Так началась служба Беленького в Красной Армии.

К началу лета новый госпиталь был переполнен преимущественно сыпнотифозными больными. В январе 1921 года Моисей Самойлович заболел тифом. Поставив себе диагноз, он передал руководство госпиталем своему заместителю и занял койку в своем госпитале. Как врач он был уверен, что поскольку совсем недавно дважды переболел брюшным тифом, сыпной тиф сведет его в могилу. Он даже заготовил два письма: одно, прощальное, брату, а другое, завещание, — передать его тело для практических занятий студентов. На третий день главный врач впал в беспамятство. Но судьба была милостива к нему — он выжил!

В конце мая 1920 года было принято решение о создании на Куяльницком лимане госпиталя-санатория для раненых. Было принято решение о назначении его главным врачом М.С. Беленького. Здесь надо отметить, что благодаря этому месту службы профессиональный интерес Беленького к лечебным свойствам грязи перерос в одно из научных направлений, которому была посвящена вся его жизнь. О лечебной и научной работе госпиталя, о деятельности бальнеологического общества на Куяльнике ученый по-

разница в возрасте — 18 лет. Тем не менее, брак этот оказался счастливым, и в нем родилась горячо любимая родителями дочь Лиля.

В 1939 году М.С. Беленький был избран заведующим клиникой Одесского НИИ курортологии, которую он возглавлял свыше 30 лет.

В период оккупации Одессы во время Великой Отечественной войны Моисей Самойлович вместе с семьей находился в эвакуации в Ташкенте. Там он консультировал в среднеазиатских госпиталях и одновременно заведовал клиникой в институте имени Н.А. Семашко. Вскоре после изгнания фашистов из Одессы Беленькие вернулись в свой город. Произошло это еще за год до окончания войны.

Мое знакомство с Моисеем Самойловичем Беленьким состоялось в далеком 1940 году. С моей стороны это слишком смелое, а возможно, даже наглое заявление. Поясню почему. Был я учеником второго класса, когда в школе появилась новенькая. Это была пухленькая светлокочная девушка с серыми глазами. От моих одноклассников она отличалась очень спокойным поведением и беглым чтением. И еще: она часто пропускала школьные уроки из-за болезни. Звали ее Лиля. От меня она жила на расстоянии не более сотни шагов. Не помню, как это началось, но я зачастил к ней с передачами школьных заданий. Должен признаться, что подолгу у нее задерживался: причина — обилие интересных игрушек.

Нетрудно догадаться, папа моей подружки и был Моисеем Самойловичем Беленьким. Мне он казался тогда каким-то неземным. Я не встречал ни в своей коммунальной квартире, ни в своем дворе, ни по дороге в школу и из школы людей, одетых, как он, причесанных, как он, с такими портфелями, как у него, с тростями, как у него. И вместе с тем он был очень доступным, контактным человеком. Он всегда при встрече заговаривал со мной и очень часто угощал конфетами. Со стороны могло показаться, что он знает меня давно, даже с рождения. Высшей наградой мне были его слова, сказанные дочери: "Вова — настоящий товарищ".

Моисей Самойлович был внешне очень привлекательным человеком: высокий лоб, серебристые гладкие волосы, зачесанные слева направо, нос с горбинкой, безупречно сидящий костюм, хорошо выглаженная рубашка, в тон им галстук, прямая и легкая походка, и главное — добрые и внимательные глаза.

У него напрочь отсутствовали словесные предрассудки. В хранящихся в семейном архиве его воспоминаниях много восторженных страниц

Беленького в одесской квартире, а вторая — в эвакуации в Ташкенте. Он же делал рисунки к своим медицинским книгам. Что же касается литературного творчества, то тяга к нему проявилась в герое очерка еще в детские годы. Работа над текстами в течение всей жизни была для него мощным источником творческого вдохновения. В качестве доказательства сошлюсь на рукописи его воспоминаний.

Профессиональные и человеческие качества Моисея Самойловича, его активная гражданская позиция оказались источником широкого круга замечательных знакомств. При этом квартира М.С. Беленького и его жены Лидии Яковлевны Ландесман-Беленькой была тем, что называлось в русской литературе "открытым домом". В связи с этим перескажу некоторые истории.

В 1930 году в Одессу прибыл на гастроли Московский Малый театр. Для города это было большим культурным событием. Приехали все звезды: А.А. Яблочкина, В.Н. Рыжова, В.В. Массалигина, В.Н. Пашенная, И.А. Рыжов и др. Вскоре многие из них стали обращаться к Моисею Самойловичу как к врачу, первыми — Рыжовы. За время гастролей Моисей Самойлович и Лидия Яковлевна подружился с ними настолько, что москвичи взяли с них слово, что новые одесские друзья навеснят их в Москве. Была на приеме у врача и Яблочкина. В один из последних дней гастролей она обратилась к нему: "Мы, я и Рыжовы, сохраним на долгие годы память о вас как о враче, о встречах с вами. Мы не знаем, как благодарить вас. Не разрешите ли вы нам прийти к вам домой и почитать?". Разрешение, разумеется, было дано, и прощальная встреча состоялась.

Беленький с супругой не остались в долгу: через несколько месяцев они навесили Рыжовых в Москве. Вскоре после смерти супруга Варвара Николаевна подарила Моисею Самойловичу подстаканник мужа, на котором были выгравированы его инициалы. Подарок этот хранится в нашей семье.

По злой воле войны с фашистской Германией, в числе эвакуированных в Ташкент оказались многие известные ученые из Москвы и Ленинграда, в том числе — действительные академики и члены-корреспонденты АН СССР. Там и произошло их знакомство с Моисеем Самойловичем. Сначала это было знакомство пациентов с врачом, а затем оно переросло в теплые и, можно даже сказать, товарищеские отношения. А когда Беленький начал готовиться к возвращению в освобожденную от врага Одессу, они обратились к не-

Михаил МАРГУЛИС

Феномен Павла Цаудера

Обычно это имя читатели периодики привыкли видеть в начале многочисленных публикаций на различные темы и в различных жанрах. Все, о чем он пишет, строго аргументировано, основано на научных исследованиях и архивных данных. Круг его интересов весьма обширен. Его энергия, любознательность, жажда к познанию всего, что его окружает, доброта и любовь к людям вынуждают его ежесекундно делиться со всеми своим восторженным восприятием мира.

Павел родился в 1920 году. 28 февраля ему, как говорят в Одессе, стукнет 90! Это словечко (стукнет) таит в себе элемент неожиданности и как нельзя лучше характеризует ситуацию с этим подвижным человеком, сохранившим ясный ум, жажду к знаниям и любовь к своей очаровательной супруге Александре, которую он ласково называет Шурочка.

По своей природе Павел исследователь. Но сейчас мне кажется, что ученые должны исследовать феномен Цаудера и раскрыть секрет его молодости. Но не напрягайтесь, господа, — секрет прост. С ранних лет Павлик любил бегать, ловить бычков в Черном море, совершать дальние походы со своими сверстниками до Ланжерона, Б. Фонтана и Люстдорфа. Пешком и на велосипедах группа мальчишек добиралась до Малой Аккаржи и Дальника, пекли на кострах картошку в Кривой Балке и Усатово, купались в соленых водах Куяльника и Хаджибея. Знакомые названия! В этих походах, очевидно, и зародилась у юного Павлика страсть к путешествиям и познанию природы.

Будучи с детства влюбленным в свой город, Павел со своим другом Лесиком Литвицким занялся изучением истории Одессы. Они обошли все музеи, изучали доступные архивные документы в библиотеках и... читали, читали, читали. В студенческие годы Павел про-

должал свои исследования, печатался в газете "Молодая гвардия", занимался фехтованием, получил 1-й разряд на республиканских соревнованиях и, к тому же, играл в студенческом оркестре.

Защитить дипломную работу на геодезическом факультете Одесского строительного института ему удалось только после демобилизации в 1945 году. Геодезические и геологические изыскания, которыми руководил начальник изыскательной экспедиции Проектного института пищевой промышленности Павел Цаудер, велись почти во всех регионах Советского Союза. Благодаря этому ему посчастливилось в течение 25 лет побывать во всех республиках. Бродил по тайге в Иркутской области, ловил омуля и пил прозрачную байкальскую воду. В Коми АССР стоял, как завор-

женный, перед деревянным срубом, что на реке Вымь, которому более 400 лет. Обошел все кавказские республики, Западную Украину и Прибалтику.

Стараюсь писать кратко. Опускаю какие-то детали. Но не могу устоять перед описанием вкусовых ощущений Павла во время его путешествий. Помните?

Мы проводим исследование его долголетия, поэтому не можем обойти вопросы диеты. Итак, записывайте. Плов в Узбекистане, самаркандские лепешки, кумыс в Казахстане, шашлык в Грузии, коньяк в Армении, вино в Молдавии, вареники с вишнями в Ивано-Франковской области, борщ с пампушками в Кременчуге, сборная солянка в Ленинграде, плюс одесский Привоз с херсонскими арбузами и жи-

но, как говорится, не хлебным единым жив человек. Цаудер наблюдал, изучал, восторгался, наслаждался всем увиденным и жаждал поделиться своими впечатлениями со всеми. Много писал. Все, что выходило из-под его пера, печаталось в различных журналах и газетах. Кроме того, Павел оказался талантливым коллекционером. Он обладатель трех уникальных тематических филателистических коллекций — "Одессика", "Арктика", "Космос".

Переписывался со многими известными писателями. Это дало ему возможность стать обладателем нескольких коллекций с автографами знаменитых людей. Был близко знаком с академиком Владимиром Петровичем Филатовым и легендарным певцом Александром Николаевичем Вертинским, с которым провел три незабываемые встречи. В течение 30 лет дружил и переписывался со своими знаменитыми друзьями, всемирно известным полярником Эрнстом Теодоровичем Кренкелем, Николаем Николаевичем Урванцевым, открывшим богатейшие залежи железной руды в районе Норильска, и знаменитым полярником-радиом Борисом Александровичем Кремером. Павел Цаудер много лет жил в суровых условиях Севера, закалил свой дух и тело.

Вот вам, девушки, и диета. А кушать можно все. Ну, так, чтобы жить. А не жить, чтобы кушать.

Сегодня Павел и Шурочка живут в Сан-Франциско со своими детьми и внуками. А неугомонный дедушка Павел продолжает свою бурную деятельность. Пишет изумительные статьи, эссе, воспоминания, и мы их с удовольствием читаем. Выпустил четыре книги: к 200-летию Одессы, к 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина и две книжки воспоминаний о встречах и переписке со знаменитыми деятелями науки и культуры.

На стене его квартиры висит галерея портретов известных людей с дарственными надписями. Среди

них 1-й американский астронавт Джон Гленн, Рональд и Нэнси Рейган, Джордж и Барбара Буш, Иоанн-Павел II. Однажды я спросил Павла, я имею в виду Цаудера: "Как вам удается раздобыть столь бесценные автографы?". На что он мне ответил: "Я пишу им письма, представляюсь, и они, как правило, присылают ответы. Проблема была с моим тезкой, папой римским. Я описал все церкви, где он служил в Польше, и вопреки всем пессимистам, получил от папы цветной портрет с дарственной надписью.

Профессор Провиденского университета Патрисия Герлихи однажды посетила Одессу. Позднее, после переписки с Цаудером, заинтересовалась историей нашего города и написала книгу, которая была переведена на украинский язык, и Павел получил экземпляр книги с автографом автора.

Дом на Гоголя с атлантами был построен семейством Фальц-Фейн. Сегодня единственный наследник барон Фальц-Фейн живет в столице Лихтенштейна городе Вадуз. Интересно, что семья Фальц-Фейн была основателем заповедника "Аскания Нова". В письме к Цаудерам барон Фальц-Фейн приглашает Павла и Александру погостить в своем дворце, который также называется "Аскания Нова". А вот еще один автограф: "На плохом русском языке желаю вам всего хорошего". И подпись: внучка Шолом-Алейхема Бел Кауфман. (Сейчас Бел живет в Нью-Йорке, ей 98 лет.)

На стене Павла Цаудера много портретов деятелей искусства, среди которых Оскар Фельцман, Раймонд Паулс и многие другие. Павел гордится многолетней дружбой с нашим знаменитым врачом одесситом Вадимом Квиатшем, первым издателем "Одесского листка". А с первым главным редактором этой газеты Тамарой Белорусец был знаком еще в Одессе. Павел Цаудер до сих пор является членом редколлегии "Одесского листка", который временно увял, но он мечтает, чтобы "Листок" вновь ожил и полетел во все страны мира, где живут веселые люди — одесситы.

С днем рождения, Павел! Доброго тебе здоровья и... Твори!

Сан-Матео, Калифорния

Одесситы в Лос-Анджелесе

ЗЕМЛЯЧЕСТВУ 10 ЛЕТ

Одесситы в Лос-Анджелесе живут не один десяток лет. В 80-е годы ушедшего века они организовали клуб под звонким именем "Одесса-Малая". Его создателями были два Бориса — Кожебродский и Юделевич, и один Борисов — Алекс, известный литератор-юморист. Участниками были Евгений Кричмар — автор знаменитой песни "Пахнет морем...", представители многочисленного семейства Фурман, среди которых блистала остроумием Аллочка Фурман. Она была конструктором СКБ-3, УкрНИИСИПа и всего Лос-Анджелеса. Одесситы собирались в разных местах, устраивали капустники, веселились, сохраняя оптимизм и дух Одессы, помогавшие бороться с трудностями вживания в новую непривычную среду. По уровню интереса и задора этот клуб вполне заслуживал названия "Одесса-Главная". Постепенно все устраивали свою судьбу, работа стала поглощать все больше времени, росла занятость детьми, а затем и внуками, да и возрастом народ посилонел. Короче говоря, "запал комсомольский иссяк", общие встречи стали редкостью, затем и вовсе сократились до юбилеев и годовщин, которых, слава Богу, тоже хватало.

Не только весельем и встречами отличались одесситы. Адвокат Борис Горбис существенно помогал новым американцам решать непростые проблемы. Борис Ципис, Давид Фитерман и другие одесси-

ты активно участвовали в Марше 1994-го года на Вашингтон для решения проблем беженцев. Спустя два десятилетия многие одесситы первой, второй и третьей волны достигли возраста зрелости и свободы "от любви и от плакатов". Они возродили "одесскую комьюнити" на качественно новом уровне. В январе 2000 года была создана и официально зарегистрирована Ассоциация "Одесское землячество Лос-Анджелеса", которая здравствует и поныне. По всей видимости, ее живучесть объясняется тем, что у истоков стояли не два, а целых три Бориса: тот же Борис Кожебродский, Борис Ципис и патриарх одесских строителей Борис Ефремович Шойхет. С самого начала землячество поставило цель, записанную в Уставе: "установление, развитие и укрепление связей одесситов для поддержания колорита, духа и традиций родного города Одессы". Землячество один раз в два года избирает Совет, который ведет всю текущую работу. Общее собрание производится ежегодно для отчета о работе Совета (все как в "старые добрые времена"). Совет избирает президента. Президентом избран Борис Ципис. Вице-президенты — Борис Кожебродский и Александр Блиштейн. Секретарь Совета — Элла Штейнхарт.

Ассоциация объединяет 700 одесситов, с учетом членов их семей — более 2000 человек. Мэр Одессы Эдуард Гурвиц избран По-

четным членом землячества. В работе землячества активно участвуют доктор наук Владимир Лернер, Зиновий Горбис, Николай Шапарев, кандидаты наук Феликс Перловский, Леонид Нетес, Михаил Тальянкер и др. Одесское землячество Лос-Анджелеса является официальным членом Всемирного клуба одесситов. С первого месяца землячество издает ежемесячную газету "Одесский маяк". Первым редактором был Анатолий Шепиевкер, в течение четырех с лишним лет редколлегия возглавлял Анатолий Горбатюк, который теперь живет в Одессе и ежемесячно формирует блок новостей для "Маяка". Два года редактором был Ян Шварцберг. В первую редколлегия входили Анатолий Шепиевкер, Евгений Гринберг, Евгений Кричмар, Анатолий Горбатюк. В нынешнем составе редколлегии инженеры Михаил Тальянкер, Мила Мучник, Лариса Томашпольская, Белла Шойхет, художник и скульптор Михаил Нарузецкий, писатель Анатолий Горбатюк (Одесса), поэт Юрий Левицкий, юрист Алла Корсунская. Бессменный дизайнер Леонид Кацнельсон все 10 лет формирует верстку для типографии. "Одесский маяк" публикует новости из Одессы, очерки о нашем городе и об одесситах, о прошлом и настоящем. В газете есть рубрики "Настоящий одессит", "Наш город", "Одесса — вчера, сегодня, завтра", "Наши в Америке и в мире", "Солидарны с Из-

раилем", "Спортивная страничка", "Молодое поколение одесситов", "Одесские миниатюры", "Творчество наших землячков".

Одесское землячество Лос-Анджелеса стремится оказывать всевозможную помощь нуждающимся одесситам.

Как и во всем, главное богатство землячества — наши земляки, большинство из которых и на новой земле показало свои способности, достигнув заслуженного уровня жизни. Это деятели медицины — доктора Людмила и Олег Бесс, Зоя Прейс, братья Фурман, семья фармацевтов Белла, Эдуард и Александр Сирота. Юристы Борис Горбис и Мэт Сорокотаж. Профессор трех калифорнийских университетов Владимир Лернер, профессора и доктора наук Зиновий Горбис и Николай Шапарев. Кандидаты наук Михаил Тальянкер, Феликс Перловский и лауреат Госпремии Леонид Нетес. Инженеры Марк Френк, Марк Вайсман, Михаил и Иосиф Вайстубы, Виктор Цойрев, Алла Фурман, Семен Гройсберг, Элеонора Шарф, Владимир Шабат, Рувен Грутман, Вадим Складенко, Владимир Петухов, Людмила и Александр Прейс. Строители Борис Шойхет, Константин Шехтер, Александр Блиштейн, Давид Фитерман, Борис Ципис, Григорий Айзенберг. Музыканты Даниил Шиндарев, Марина Кесспер, Борис Моисеев, Алик Ошмянский, Виталий Нужный, Роман Щеголевский. Специалисты-оптики София и Илья

Сливан. Видеоинженер Влад Щеголевский и др. Многие из них — постоянные спонсоры газеты и участники фонда помощи.

Один из основателей землячества и многолетний вице-президент Борис Кожебродский был первым создателем футбольной команды в США, чемпионом Южной Калифорнии и *Golden State Soccer League*. Инженер Юлий Штейнберг — мастер спорта и чемпион США по шахматам.

Землячество поддерживает связь с одесским землячеством Кирият-Бялика (Израиль), с "Клубом Дерibasа" (Германия). В деятельности землячества участвуют не только одесситы Лос-Анджелеса. В его составе Виктор Лившиц из Бостона, Михаил Эстис из Флориды, Анатолий Шепиевкер из Сан-Франциско, Владимир Серебро, Элиазар Блоштейн и Елена Владыкина-Вайншток из Нью-Йорка, Светлана Харчевникова из Сан-Диего, Владимир Шехтер из Хайфы и Марк Штейнберг из Петах-Тиквы (Израиль) Они активно поддерживают землячество и публикуют свои материалы в газете "Одесский маяк". Композитор Марк Штейнберг прислал песню к юбилею землячества.

Тема "Одесса в Лос-Анджелесе" не ограничена рамками землячества. Многие одесситы Лос-Анджелеса, формально не являясь членами землячества, играют значительную роль в жизни одесской и, вообще, русскоговорящей общины нашего мегаполиса.

Двери землячества открыты для одесситов всех стран.

Совет землячества, Редколлегия "Одесского маяка"

Александр ДОРОШЕНКО ПОЭМА О ШТЕТЛЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ

"При реках Вавилона сидели мы и плакали..."

Псалом 137

"Есть ли там весы, или нет — все равно — на тех весах вздох и слезы ребенка все перевесят! Я прочнее в это верю, чем вы во что-нибудь верите.

Верю, знаю и свидетельствую миру".

**Венедикт Ерофеев.
Москва-Петушки**

Это было очень давно, и свидетелей не осталось.

Была на земле великая страна, Атлантида евреев.

Лежала она в сердце Европы, ограниченная по движению солнца могучими реками, от Днепра до Дуная, а с севера к югу морями, от Балтийского до Черного.

На западе высились Карпатские горы.

Эта удивительная страна располагалась между народами Запада и Востока, она была мостом между ними.

Народ, населявший ее, был древним, он вышел из вечности.

И молодым, — ему еще предстояла вечность. А Вечность измерения не имеет.

Состояла эта страна из отдельных частей, из Литвы, Польши, Украины, Белоруссии, Латвии и Молдовы. Стояли на берегах рек города, штетлы и бесчисленные маленькие местечки, штетеле, как с любовью их называли евреи. Носили они смешные и уютные имена.

Например, святая община Райгородок.

Евреи свои местечки так и называли — святой общиной.

Если местечко было большим, тогда говорили — столичный город.

Например, святой град Бердичев, и к этому добавляли — "Иерусалим Волины".

Эти городки и штетеле привольно раскинулись среди необозримых степных просторов. Евреи здесь не были зажаты улицами и домами больших городов, районами гетто. Они жили на открытых просторах земли. Это делало взгляд внимательным и давало свежий воздух легким.

Главными в местечке были синагога и кладбище.

Потом уже рынок, рыночная площадь с каменными лабазами, заезды, шинки, всякие лавочки и мастерские.

По утрам, еще в темноте, открывались двери домов, и евреи шли по делам.

Сначала к Богу, помолиться. Потом к земному делу. Потом вновь к Богу. Еврей разрывался между землей и небом, он висел в воздухе.

Он жил на глазах у Бога. Уже не на земле, но еще не на небе.

Мальчишки бежали в хедер. Юноши степенно шли в иешиву.

У евреев много детей, их трудно пересчитать!

Стрекотали швейные машинки и слышался перестук сапожных молотков.

В домах, на узких улочках, на ярмарках и базарах весь день звучал язык, утраченный теперь, как язык древних шумеров, рядом с которыми евреи жили первоначально.

"Речь наша, многозвучная, Цветастая, беспокойная, Строем своим, складом своим Располагает к выдумке..."

Павел Коган. 1936

Она была журчащей в реке водой, смеющейся, как полевой колокольчик, быстрой — как ласка, цепкой — как дворовый пес, бес-

пощадной — как нападающая змея, едкой — как полынная водка, образной — как страница Агады, и умной — как текст Талмуда.

И была ироничной, потому что посмеяться над собой — одна чистая радость и благодарность Богу!

Если не посмеяться, — не захочется жить.

Жизнь — это падение, с небес, где мы родились, к земле, которая нас зароет, как собака зарывает обглоданную кость, и пока лежишь, ты жив.

Гнали своих лошадей по дорогам этой земли балагулы и пели песни на идиш.

Земля устроена так — она круглая, — а по ее склонам лепятся еврейские домики.

Сначала круто и тяжело в гору, но потом непременно спуск. А там и родное местечко. Лошади вытнут!

Каждому местечку, как водится, придана река.

Почти тысячу лет жил среди землян народ этой страны.

И его не стало.

Остались степь, обдуваемые ветрами холмы и высокие травы забвенья.

Этих бесчисленных местечек нет.

Там катит свои воды река, шумят кронами деревья над бывшими еврейскими домиками и кладбищами, над братскими могилами, где легли последние жители местечек, качают головками на длинных тонких стеблях полевые цветы и травы.

Там пасется скот, и спящие евреи слышат его мирное дыхание.

Эти козы и коровы остались от ушедших евреев. В отличие от людей, их не убивали, и они остались жить на земле, сменив хозяев.

Они живут покорно и молча, и только горластый еврейский петух гневным криком разрывает унылую тишину этой покинутой страны.

История каждого местечка разнится временем возникновения, местными легендами о том, как строили синагогу, как переживали бедствия, анекдотами и именами праведников.

Завершается она одинаково — расстрельной ямой.

Например, у святой общины Райгородок погибло все население Бердичева, около сорока тысяч евреев.

Потому, что там ближе к Раю?!

Свидетелей не осталось по человеческому произволу.

Есть закон, по которому творение всегда противостоит Творцу. Мы, люди, — самое непокорное из Его творений.

Польша была тогда превращена в пылающую огненную печь, где сожгли миллионы евреев. Но многих убили на месте, прямо в родном местечке, на старом кладбище или в овраге, где в мирное время бегали и играли дети.

В последний раз мать сама привела к этой яме своего ребенка, чтобы заботливо уложить его спать. День кончился, наступала долгая-долгая ночь, малышу было пора в постель.

Так говорила мне в детстве мама — спи и набирайся сил.

Мы напрасно надеемся, что эта ночь кончилась, и что наступил рассвет.

Рассвета не будет. Бог не предусмотрел для нас, оставшихся неизменными, рассвета.

Оттого, что погиб один ребенок, при этих миллионах загубленных жизней ужас не становится меньшим, потому что сердце человека имеет свой сокровенный счет. Ему понятны законы больших чисел, но боль ребенка от этого не становится меньшей.

Одной слезинки ребенка достаточно, чтобы утопить в ней всю нашу несостоявшуюся историю. А на поверхности останется плавать любимая детская игрушка, зайчик с оборванным ухом.

И если подумать, это и есть все лучшее, что мы успели создать на земле, — этот зайчик, хранящий чистую радость любви.

Считать нужно только стоящее, только то, что легло основаниями нашей жизни!

Этой великой страны, Атлантиды евреев, не стало, и пути к ней утеряны.

Не стало бесчисленных местечек, нет больше кладбищ и синагог, нет магазинчиков и ремесленных мастерских. Не звучит в домах и на улицах, и на базарах еврейский язык.

Нет маленьких заплатанных домиков со ставенками на окнах и нет цветочных горшков на подоконниках. Нет синагог. Нет могильных плит на еврейских кладбищах Литвы и Польши, Украины и Белоруссии, Латвии и Молдовы. А многое оставшееся скоро исчезнет с лица земли.

Остались только холмы, библейские холмы, потому что Библия вовсе не завершена, и мы продолжаем писать на обороте ее страниц, коряво царапая вечную ткань бумаги.

Это память о стране, которой не стало.

В конце нашей истории на земле останутся библейские холмы над вавилонскими реками. А вся история людей целиком уместится записанной в печальных глазах козочки, пасущейся на заброшенном еврейском кладбище.

Пришла кошечка и съела козочку. Считать надо, пока горит свеча!

Я горожанин. Я никогда не видел этих местечек и их обитателей. Мои еврейские предки были эмансипированные евреи. Они были людьми европейской культуры, говорили на европейских языках, обучались в университетах, и я думаю, эти местечковые евреи их смущали.

Как бедные родственники, с которыми всегда неудобно.

Но однажды я случайно оказался на старом еврейском кладбище Савраны.

Куда-то мы и зачем-то ехали с друзьями, и увидев могильные камни, разбросанные по зеленому полю, я попросил оставить меня на часок на этом кладбище и забрать на обратном пути.

Я тогда еще ничего не знал.

Не знал, что странные формой и видом камни называются *мацевами*, не понимал этих удивительных изображений, не мог прочесть надпись и разобрать год. Я шел по зеленому полю, осторожно переступая холмики, и рассматривал странных зверей и птиц, рычащих львов, смеющихся обезьян, спешащих куда-то волков и рыб, плывущих в небе над густыми кронами деревьев.

(Рыбы плывут там, где текут наши реки, а реки текут над миром.

Попробуй в летний полдень лечь на спину в густой траве и закрыть глаза. Так полежи, и когда ты начнешь слышать свою землю — крылышки кузнечика, полет бабочки, уютное бормотание шмеля, — открой глаза и глянь в небо — и ты впервые поймешь, как на самом деле устроен мир.)

Потом я долго стоял, разглядывая странного зверя, который пасся в высокой траве. Трава росла тут же, у подножия камня, точно такая же. Тот, кто выбил ее на камне, просто глянул вокруг себя.

Но этот зверь — отродясь я не видел такого зверя. Телом он больше всего напоминал гуся, тем

более что рядом паслись эти гуси, недовольные моим вторжением. Но он был на мощных четырех лапах, и хвост его был чисто собачий хвост, а голова от хищной птицы.

Теперь я знаю, это был самый сильный и самый добрый на земле зверь. Звали его грифон. Я смотрелся его изображений на старинных гравюрах.

Это лев, научившийся летать. Или орел, полюбивший силу и упругость земного бега.

Местный мастер своего грифона срисовал с гуся.

Я много читал с тех пор и видел десятки таких брошенных кладбищ, на Волини и в Галиции, на Подолии и в Молдове. Но все, что я знаю об этих камнях, я узнал в тот небольшой час времени на этом разрушенном кладбище, пока друзья за мной не вернулись.

Там что-то случилось со мной, и уже никогда не оставляло в покое.

Иногда уже в наступающих сумерках, думая об ином, я что-то внезапно чувствую, и подняв голову, успеваю заметить над городом, над крышами домов и скорбными ветвями деревьев, стремительный полет и мощный размах грифоных крыльев. Летящий сфинкс, он косообразно разрезает своим полетом городское пространство, и мне становится спокойнее от его стерегущего взгляда.

Куда это он полетел?

Эти камни помогли мне понять, как жили и чем жили наши предки, и еще, это странно, они помогли мне увидеть не тени прошлого, но сегодняшних нас и все предстоящие нам беды, если мы перестанем различать основания пути, по которым шли предки.

Считать надо правильно и не ошибиться в счете!

У меня сложно с происхождением.

Мои далекие предки были евреи-сефарды, и дед моего деда говорил, что в Испании, в городе Кордова, был и еще стоит наш дом. Мне это передал отец.

Глубже память не сохранилась, но первый мой дом, конечно, стоит на древней земле Иудеи.

Мои близкие предки — украинцы, и под Черниговом есть деревня, в которой все жители сплошь Дорошенки. Там тоже стоит дом, неведомый мне, но мой. Я там никогда не был, но знаю, что там течет река, и иногда вижу во сне, как сбегаю к воде, а она искрится от утренного солнца.

Этот текст — долг одного моего народа другому моему народу, принятый мной на себя, потому что мама моя, украинка, мне в детстве сказала — долги надо платить!

Мама моя, белая королева, зеленоглазая украинка, любила моего отца, черноволосого и кареглазого еврея, — это и есть вся настоящая правда о наших народах. Я немного картавлю, потому что картавила мама.

В Библии для меня сохранилась запись — не может человек разделить, потому что тогда он похвалит свое сердце на части!

Но ты помни, — если там этого нет, нет этих местечек и их жителей, — значит, и нас, сегодняшних, тоже нет, и уже никогда не будет!

Все мне чудятся гуси, и сопровождают они меня в этих местечках постоянно. На реке под холмом, на зеленом ковре кладбища, на улице, — иду и ищу дорогу, а они переваливаются стройной колонной впереди и что-то говорят, по очереди на меня оглядываясь. И всегда выводят к кладбищу.

О чем они там судачат, что думают обо мне?

Может быть, напоминают о порученном деле — рука к перу, перо к бумаге?

Если гуси жирные, у них мягкие перья. Такие перья не брызгают чернилами и не царапают бумаги. Гусиными перьями было написано все, что сделало нас людьми. Но я знал: написать книгу об этой потерянной земле, об Атлантиде евреев, можно только перьями, выдранными из ангельских крыльев.

Наверное, у жирных ангелов тоже мягкие перья.

Вопрос не в ангельских перьях, где их достать, нужен способ написания.

Сначала я пишу быстро, не успевая писать. Что-то во мне говорит, но язык этот не имеет звучания в ряду человеческих языков.

Он, наш первоначальный материнский язык, не содержит слов.

Я косноязычен, как Моисей. Но Моисею помогал и подсказывал Бог. И был у Моисея брат Аарон, хорошо говоривший на иврите, но с трудом понимавший Бога.

Он был, как я, — попугаем.

Он озвучивал Моисея.

Исходная мелодия едина, мы различаем способностью слышать.

Вначале приходит чувство, оно звучит мелодией, утраченной и позабытой, это музыка, из которой на заре времен под творческой рукой Бога возник каждый из нас. Мое тело, как морская раковина, вынутая из воды и позабывшая о своем первородстве. Раковина слышит шум Океана, но уже не помнит, что это было такое.

Когда я перевожу это внутри себя, внутри своего звучащего тела, на слова родной речи, а потом шлепаю пальцами по клавишам машинки, я утрачиваю смысл услышанного.

Я возвращаюсь, вслушиваясь, пытаюсь понять вновь.

Потому что мысль — это ошибка. Она слабая и боязливая тень первоначального чувства. Мы учились говорить, подражая людям. Не догадываясь, что их определения ложны. Потому что определять — значит не доверять.

Звучащее в тебе трудно перевести в мысль, выразить мысль словами еще труднее. Остается всего ничего!

Так формируется исходный текст.

Ударение в слове и центр тяжести фразы определяются ее смыслом, напряжением и жизнью. Иногда неожиданность удара восстанавливает смысл и жизнь слова.

Правило построения фразы рождено ее внутренней жизнью.

"Я не знаю, Земля кружится или нет, / Это зависит, уложится ли в строчку слово".

Это сказал гений, Велимир Хлебников.

Потом я читаю и перечитываю легшие на бумагу сочетания слов и ставлю слова на правильные места. Такие правила нигде не записаны. Но я ими руководствуюсь, и на самом деле это несложно — надо править текст, пока каждое слово не станет на свое место в ряду других слов.

Пока известные нам слова с утраченным и стертым от ошибочного употребления смыслом вновь не найдут друг друга, а фраза, корявая и выгибающаяся под рукой, как раздраженная чем-то кошкой, не успокоится и не станет ровной.

Тогда можно услышать, как облегченно вздохнут слова, наконец-то нашедшие друг дружку. Как распрямится фраза. И по ней волной пройдет мелодия.

В правильной расстановке слов, как и в кошачьей походке, слышен голос Бога!

Эта работа идет многократно, пока слова, лежащие на поверхности листа, не окрасятся кровью. Не в смысле цвета, — пока кровь не начнет пульсировать в теле этого текста.

Тогда он зазвучит и станет плотью. Это просто, иного способа понять самого себя нет, а понять самого себя — это понять Бога.

Понять Бога, — не обязательно с ним согласиться!

Раввин Шимон Яков Гликсберг (1870, Мендзыжец-Подляски — 1950, Тель-Авив) — крупнейший раввин, ученый, историк, проповедник и один из основателей сионистского движения Мизрахи.

Происходил из известной хасидской семьи. Учился в иешиве в Свислочи и в Томей Тора, основанной Йерухам Йехудой Лейбом Перельманом в Минске. В 1902 году раввин Гликсберг становится раввином в Пинске. В 1906 году р. Гликсберг избирается раввином в Одессе на Молдаванке, заменив умершего раввина Давида Слоуща. В 1917 году р. Гликсберг был выбран в Одесский городской совет и официально назначен главным раввином Одессы. Он занимает эту должность до 1937 года.

В двадцатых годах р. Гликсберг стал широко известен как участник семи "религиозных диспутов" с Анатолием Луначарским, членами Евсекции и такими русскими религиозными деятелями, как Александр Введенский. Тысячи людей присутствовали на стадионах и в театрах Одессы, где происходили эти диспуты. В ходе одного из диспутов Анатолий Луначарский сказал: "Моя вера в коллективную ответственность дает мне такую веру в будущее, которую никакая религия не может дать". Раввин Гликсберг ответил: "Эта вера сама представляет собой религию". В ходе этих диспутов он глубоко впечатлил публику не только своей гордой осанкой, риторическим талантом, религиозным энтузиазмом и остроумными замечаниями, но и глубоким знанием философии, науки и литературы. Его сила убеждения была такова, что один из его оппонентов назвал его "опасным дебатером".

В 1937 году раввин Гликсберг уехал в Эрец-Исраэль, где возглавил раввинский суд Тель-Авива. После его смерти одна из улиц Тель-Авива была названа в его честь и в честь его сына, известного художника Хаима Гликсберга.

В 1944 году в связи с освобождением Одессы раввин Гликсберг опубликовал в журнале "Баишор" (недельная газета Мизрахи, Иерусалим) главу из своих мемуаров, названную "Еврейская Одесса" (Баишор, 20-27 апреля и 5 мая 1944 г.) и описывающую жизнь еврейской Одессы до революции 1917 года. Статья была написана на иврите и переведена на английский язык. Перевод на русский язык осуществлен Александром и Инной Гликсберг.

Раввин Шимон Яков ГЛИКСБЕРГ Еврейская Одесса

ГЛАВЫ ИЗ МОИХ МЕМУАРОВ

Одесса была важным еврейским городом во многих отношениях — евреи составляли третью часть (около двухсот тысяч) населения, но эта треть была наиболее активной и динамичной. Она влияла на экономику, культурные заведения, журналистику, благотворительные и медицинские учреждения. Евреи сделали Одессу главным центром торговли сельскохозяйственными и промышленными товарами.

Еврейское влияние может быть прослежено, если посмотреть в планы города со времен создания Одессы. Синагоги не только не были сдвинуты в сторону, как это было сделано в других городах Диаспоры, но были расположены в центре на главных улицах города. Так Большая синагога была украшением среди лучших домов на Ришельевской улице. Бродская синагога находилась на углу улиц Пушкинской и Жуковского, вблизи знаменитого здания биржи. Новая синагога на Екатерининской улице, синагога на Ольгиевской улице и многие другие тоже были превосходно расположены. Еврейская улица пересекала все центральные и красивые улицы города.

Одесская еврейская община включала в себя множество религиозных, образовательных, медицинских и социальных организаций. Городские власти наблюдали за общиной и ее образованными и богатыми руководителями. Существовал список ста человек, который утверждался властями. Любой важный вопрос общины обсуждался с этими ста представителями под руководством властей. Одесские евреи называли их "Золотая сотня". Когда я приехал в Одессу (5666, или 1905/1906), управление общиной претерпело большое изменение. Управление было передано руководителям синагог, которые избирали комиссию, управляющую всеми делами общины. Я был первым раввином, избранным и приглашенным в Одессу главами синагог, а не властями.

В одесской духовной жизни синагоги играли главную роль, вероятно, более значительную, чем в других городах, где я жил прежде. Религиозные обычаи соблюдались очень серьезно, невзирая на внешний вид синагог и порядок в них. Во всех синагогах, за исключением Бродской, бима (подиум, который используется при чтении Торы*) была размещена в центре, и последовательность молитв и традиций следовала Шулхан Арух (еврейский кодекс законов*). Кантатия (современное религиозное пение*) процветала в Одессе, и многие прославленные канторы

вышли из этого города (Бахман, Блюменталь, Разумный и другие). Но ничего в этом модернизме не было общего с реформистским течением евреев западных стран. Евреи, предпочитавшие реформизм, не молились даже в Бродской синагоге. Одесские евреи не отстаивали "чистый иудаизм" и изменения в религиозных обычаях, потому что реформизм не существовал в России, и даже наиболее либеральные из них следовали традиционным обычаям в синагогах. Орган в Бродской синагоге (1909/1910) был установлен не по требованию реформы, но просто по желанию, прихоти ее кантора, чей голос стал слабеть и нуждался в поддержке органа. Это событие стало очень спорным среди прихожан в синагоге и привело к серьезным возражениям со стороны "комиссии" синагоги (Раввин Гликсберг называл этот орган "шарманкой", по свидетельству его сына Хаима*).

Когда я вспоминаю одесские синагоги, мое сердце переполняется гордостью за их внутреннюю и внешнюю красоту. В Одессе было около шестидесяти больших синагог, и некоторые были построены в необычном стиле, их фасад резко выделялся на фоне окружающих домов. Важной частью моих духовных обязанностей было посещение этих святых мест. В течение нескольких лет я бывал во всех синагогах в канун Йом-Кипура, чтобы получить поддержку на поселение больных раввинов, приезжающих лечиться в Одессу. Это время года было особенно хорошим для этой работы, потому что перед Йом-Кипуром руководители проводили много времени в синагогах, и касса синагог была полна. Между еврейским Новым годом (Рош а-Шана*) и Йом-Кипуром прихожане платили долги синагогам, и поэтому большие суммы денег в это время хранились в синагогах. В залах синагог за столами сидели их руководители, канторы, уборщики, а также представители благотворительных организаций. Прихожане подходили к ним и платили свои долги. Затем они пробовали сладости и вино, были благословлены и сами благословили за Хатима Това (пусть вы будете вписаны в книгу жизни*) в этот святой день. То же самое происходило в десятках синагог, которые я посещал в это время, и это производило огромное впечатление на меня. Образ организованного иудаизма предстал передо мной. Объединенный иудаизм, движимый духом, влияю-

щий на душу каждого из народа Израиля и направляющий его к духовному центру Диаспоры, в "Микдаш Ме-ат" (синагога*).

Одесские синагоги представляли в какой-то мере уникальную картину своими размерами, красотой, а также мебелью. Ковчеги Завета своими очертаниями повторяли главный зал и как произведения искусства были украшенными прекрасными золотыми орнаментами. Главный зал Большой синагоги был просто замечательным. Потолок и колонны, поддерживающие его, стены и балконы мужской и женской секций были покрыты специальной белой краской, которая сияла, подобно дорожному фарфору. Тот, кто не видел этот зал, никогда не видел красивый зал в своей жизни.

Другой важной чертой одесских синагог было то, что их здания были полны света и воздуха. Они не имели приятной сумрачности старых синагог в Диаспоре, как, например, синагога раввина Моше Иссерлиса в Кракове, Большая синагога в Вильне и иешива Похоронного общества, в которых сумрачность вдохновляла к созданию необычной и таинственной обстановки (прочтите комментарии раввина Шмуэля Страшуна к Берахот 31, где критикуются синагоги с малым количеством окон в Вильне). Но одесские синагоги оп-

ределенно создавали атмосферу "Мимма'амаким" (из глубины, религиозность*), атмосферу уважения к святому в сочетании со свежим течением в жизни, которые радовали душу.

Как и всюду в Диаспоре, некоторые синагоги в Одессе были названы по именам популярных мастеров и торговых профессий, например, синагоги портных, оловянных, плотников, пекарей, переплетчиков, шапочников, мясников, торговцев, продавцов муки, продавцов фруктов. Кроме того, были синагоги с именами благотворительных организаций, такие, как Малбиш Эромим (одень нагих*) и Гмилут Хасадим (благотворительность*).

Одесская еврейская община была известна своими благотворительными организациями. Общинная больница была знаменита и состояла из многих отделений для различных болезней. Она была оборудована наиболее современными инструментами. Община имела также специальную больницу в деревне Хаджибей для бедных, которые приезжали для лечения на грязях лимана. Кроме того, в Одессе был родильный дом для бедных женщин. Комитет одесской общины содержал несколько сотен людей. Общинные кухни подавали дешевую пищу для тысяч голодных. Специальные лагеря были созданы для еврейских детей. Богач Коган оставил общине в наследство большие дома с дешевыми квартирами для бедных. Благотворительные организации оказывали огромное влияние на жизнь бедноты. Примером могут служить общества Эзрат Холим (помощь больным*), Эзрат Аниим (помощь бедным*), Эзрат Иетомим (помощь сиротам*). Сборы Маот Хитим (мука для Песах*) предоставляли продукты и уголь для отопления зимой тысячам нуждающимся евреям в этом районе. Несколько женщин были известны в одесской общине своей благотворительностью, так как они пытались помочь вдовам и сиротам, давая им все, в чем они нуждались. Эти замечательные женщины потрясли своей настойчивостью и целеустремленностью в помощи людям.

В целом одесситы были известны как добрые, щедрые люди, всегда готовые помочь нуждающимся. Их карман был всегда открыт для разных иешив и для всего, что было лучшим для народа Израиля. В Одессе люди не давали беднякам, которые стучались в их двери, гроши. Просящие милостыню имели приличный

доход, и поэтому многие из них приезжали со всех концов страны в Одессу и оставались здесь навсегда. Поэтому в Одессе жили многие семьи увечных, слепых, глухих и хромых. Все они приехали в Одессу с надеждой на своих еврейских братьев, милосердных людей и детей милосердных людей. Даже многие бедняки с болезнями костей, ног, спины, приезжавшие лечиться на Лимане, оставались в Одессе из-за ее больницы, благотворительных организаций и добрых евреев, которые не оставят их в беде. Для инвалидов было достаточно быстро обойти город, чтобы принести домой солидную сумму денег и продукты. Большинство из них жило скученно на Молдаванке, в основном, в районе Картамышевской улицы. Здесь они имели хороших соседей того же класса и дохода. Они праздновали такие семейные торжества, как Брис Мила, Бармицва, и свадьбы своих сыновей и дочерей, так же, как и богатые люди, никогда не жалуясь на свое положение. Все понимали, что дочь инвалида выйдет замуж за увечного мужчину, так как инвалидность считалась стабильным источником дохода. Среди этих людей целые семьи состояли из инвалидов. Как раввин я обычно содействовал членам этих семей в делах женитьбы и развода.

Одесса славилась высоким уровнем образовательных учреждений. Одним из этих заведений была школа для нескольких сотен студентов, носящая древнее название "Талмуд-Тора". Курс обучения в ней полностью соответствовал обучению в обычных школах, но студенты изучали также Библию, Мишну и Талмуд, и конечно, это было религиозное образование. Это можно было сказать и о большинстве других еврейских школ в Одессе. Обучение в гимназии Рапопорта, коммерческом училище Гофмана и в гимназии Жаботинского и Кофмана было традиционным. Для ортодоксальных родителей, которые не хотели дать детям современное образование, кроме одесской иешивы, которая стала лучшей школой для еврейского образования, с ее директором раввином Хаимом Черновицем, существовали несколько старых хедеров и иешива "Шомрей Тора", где дети изучали Гемару с комментариями. Многие студенты литовских иешив и молодые еврейские учителя приезжали в Одессу на семинары общего еврейского образования. Их всегда встречали с энтузиазмом и поддержкой. Многие из них стали раввинами в общинах Диаспоры.

В городах Южной России дух Шабата не всегда строго соблюдался. Однако в Одессе профанация Шабата существовала только среди торговцев, которые были вовлечены в водоворот коммерции, зависящей от международных связей, от соревнований с местными торговцами. Несмотря на это, многие торговцы и владельцы магазинов прекращали свою деятельность и закрывали двери заведений на Шабат. Работники и мастера полностью соблюдали Шабат. В целом одесситы соблюдали традиции и религиозные обычаи. Согласно имеющимся записям, относящимся к продаже кошерного мяса, значительное большинство одесских евреев ели кошерное мясо. Во всем городе чувствовался дух Шабата. Синагоги были полны прихожан, и канторы смягчали сердца молящихся. Уроки Торы специально назначались на субботы.

Особенно влияние традиций чувствовалось во время праздников. За несколько месяцев до Песах Одесса готовилась выпекать мацу. Пекарни мацы были открыты по всему городу и все имели яркие вывески с надписью "Маца для Песах". Большие суммы денег были вложены в эти пекарни торговцами, которые управляли мацу еврейским общинам в различных городах России и Кавказа. Магазины и большие склады были заполнены мацой. Одесская община содержала специальные склады мацы для Маот Хитим, для бедных. На улицах Одессы были видны домохозяйки и носильщики, следующие за ними, несущие на го-

ловах большие корзины с мацой, завернутой в белое. Это зрелище становилось более типичным с приближением Песах, и эти корзины, как белые лодки, казалось, плыли в толпе людей, как по реке. В окнах винных магазинов были вывески "Кошерное для Песах".

За несколько недель до Суккота на улицах появлялись вывески "Цитрусы". Одесса была основным городом в России для покупки цитрусовых. Даже нерелигиозные праздники и их характер влияли на окружающий мир в Одессе. На Хануку меноры были видны в окнах, и много ханукальных подарков и продуктов продавались в разных местах. На Пуриим торговцы продавали конфеты, грагеры (трещотки*) и маски на улицах. Многие люди несли в руках подарки, следуя старой еврейской традиции.

Даже во время Ту би-Шват (15-й день месяца Шват, Новый год деревьев*) обилие фруктов в магазинах и лавках заметно увеличилось. На улицах были слышны выкрики торговцев: "Пять за пятнадцать!" (празднует Ту би-Шват, вкушая пятнадцать различных видов фруктов*). Одесские евреи соблюдали эту мицву полностью.

Нужно ли упоминать, как заполнены были улицы во время Рош а-Шана, как массы, заполнявшие синагоги, просили прощения, как начинался и кончался Йом-Кипур?

Смог бы художник запечатлеть хотя бы часть блестящей картины празднования Симхат Торы в Одессе? Процессия окружения (семь раз обходят со свитками Торы вокруг бимы*) создавала длинные очереди празднующих людей, стремящихся к биме. И пока вы держите Тору, люди, старые и молодые, приближаются, чтобы поцеловать Тору. С открытым сердцем каждый благословлял вас и громко провозглашал: "Дарлейбет Ивер а-Яхар" (жизни в следующем году*). Голоса тысяч людей, в конце концов, превращались во что-то высокое и восторженное, имеющее глубокое влияние на тебя. Между обходами с Торой начинала играть музыка, люди танцевали с книгами Торы в руках, и опять слышалось: "Дарлейбет Ивер а-Яхар". До приезда в Одессу я никогда не видел окружения, проводившегося в такой манере. В Большой синагоге и в Бродской синагоге была организована специальная церемония, в которой одинаково красиво одетые дети несли флаги. Они шли в начале процессии и пели "Будь счастлив во время Симхат Торы".

Одесса, будучи интернациональным городом, оставалась настоящим еврейским городом. В Одессе любая хорошая идея, мысль, которая повышала моральный дух еврейства, находили сочувствие и были услышаны. Ховавей Цион (движение 19-го столетия, направленное на то, чтобы построить Израиль*) выбрало Одессу как центр своего движения. Это общество имело печатные организации, публикующие книги на древнееврейском языке, большие книжные магазины, продававшие святыни и другие книги, например, магазин братьев Блетнитских, Шухман, издательства "Мория", Я. Шермана и другие.

Одесса была наполнена умными людьми и авторами. Здесь было множество индивидуальностей высоко уважающих Б-га, так же, как и изучившие Тору, хасиды, люди действия, и другие, которые были моральны и справедливы.

Одесский раввинат был хорошо установлен и организован во всех отношениях. Я должен упомянуть, что среди всех слоев населения, включая свободомыслящих просвещенных людей, авторитет раввина признавался и никогда не вызывал сомнений. Люди всегда приходили к нему по его требованию, делали все, как он советовал, в семейных делах, переговорах и денежных проблемах.

Еврейская община Одессы показывала пример во всех аспектах служения публике — религиозном, образовательном, благотворительном. Глядя сегодня на "еврейскую Одессу", мы видим отражение в ней сияния Диаспоры. Эти искры не погасли полностью даже в период "большевистской Одессы", несмотря на изменения в нравах и порядках.

Галина ВЛАДИМИРСКАЯ

Зерно жизни рубить тяжело!

Михаилу Реве — 50 лет

Столкнулась на концерте в филармонии с Михаилом Ревой — и от души порадовалась. Впрочем, с Мишей не бывает так, чтобы встреча не радовала: одна его улыбка чего стоит, да и без приятных новостей никогда не обходится.

На этот раз услышала, что Рева дорабатывает проект фонтана на Приморском бульваре: "Сделать его нужно так, чтобы завершить весь этот ансамбль. Это очень сложная задача. И мало того, что там достаточно все сложно, это должна быть доминанта, завершающая бульвар с противоположной от Пушкина стороны. Если в одном конце у нас Пушкин — это такая доминирующая вертикаль, то фонтан — наоборот — горизонталь".

Еще позавидовала Киеву, Михайловскую площадь которого украсил Рева своим комплексом фонтанов на стене нового отеля экстра-класса: "Михайловская площадь — фантастическое место, очень красивое. И очень обязывающее. Рядом памятник Княгине Ольге, Михайловский собор. Надо было сделать деликатно, чтобы новое вошло в этот исторический ансамбль. Задача была непростая. Мне кажется, получилось. Главное, мне приятно, когда люди это воспринимают, принимают как нечто органичное. Там сразу начали фотографироваться..."

А еще узнала о грандиозном проекте, ради реализации которого Рева провел две необыкновенные недели в Италии. Вот об этом захотелось поговорить подробнее, ради чего мы встретились уже в мастерской художника.

— В этом проекте соединились супертехнологии XXI века и дух эпохи Возрождения, — Миша говорит спокойно, но по интонации чувствуется — он сам взволнован масштабом задачи, которую решает. — Это большой объект для Москвы, вернее, для Подмоскovie. Идея, можно сказать, космическая. Космическое тело прилетело на Землю со знанием разных цивилизаций, знанием жизни, разбилось и стало прародителем всего живого. Вот такая примерно история...

— И то, что ты делал в Италии, — это в рамках этого проекта?

— Это одна часть проекта. А вообще он включает еще ландшафтные скульптуры, большие сооружения, пятидесятиметровую стену... Это приватный заказ серьезных коллекционеров живописи, скульптуры, и данный проект должен был еще и определенным образом войти в рамки этой коллекции. Думаю,

со временем это может перерасти в музей... А в Италии надо было сделать трехметровую фигуру из каррарского мрамора — зерно жизни, из него будет бить источник воды, которая символизирует каплю жизни, распространившуюся на весь земной шар.

Все эскизы согласовывали с заказчиком и с архитектором, потому что проект — это часть всей архитектуры, часть ландшафта и вообще всей идеологии.

— Ну, а теперь, собственно, — про итальянскую историю...

— Итальянская история была фантастической... Для меня было очень важно делать это именно там, вблизи Каррарских каменоломен. В тех настоящих материалах. Чтобы обязательно почувствовать этот дух эпохи Возрождения, дух этого мифа. Я очень хотел это делать именно в Италии, но была серьезная конкуренция. Это можно было делать и в Китае, и в Греции, и в Турции. Видно, Господь услышал мои молитвы. И заказчик поддержал мое начинание. Когда я приехал в маленький городишко, где находится компания, с которой было решено работать, меня встретил ее хозяин, такой

человек в возрасте, ему уже семьдесят, очень продвинутый и приятный во всех отношениях. И оказалось, что зовут его Анджело, а я по-итальянски Микеле. Вот и получилось вместе — Микеланджело. Плюс каррарский мрамор... такое соединение... Наверное, наверху так распорядились... У нас получился удивительный тандем, мы сработались стопроцентно... Анджело — гениальный человек... Являясь достаточно богатым и независимым, он настолько трудолюбивый, чувственный, настоящий профессионал. Он уже шестьдесят лет рубит мрамор, и делает это с таким удовольствием, желанием... Вообще, всех наших олигархов надо отправлять туда на перевоспитание... Когда я приехал, он со своими сыновьями, у него их двое, уже предварительно вырубил по нашему эскизу основную часть, потому что весь блок весил порядка семи тонн — блок каррарского мрамора, который составлял один большой пласт... А уже в изделии — четыре тонны.

— Это ведь был еще и довольно тяжелый физический труд?

— Конечно, дробить камень с силой, и между тем не отрубить лиш-

нее. Труд был тяжелый, и энтузиазм Анджело шокировал Микеле. Я намного моложе его, но еле поспевал за ним. Не хотелось ударить лицом в грязь, и я просто через силу все это делал...

— Сколько ты там находился?

— Я там работал в течение двух недель. Как раз выпала Пасха. Так что к работе добавились еще впечатления.

— А как общались?

— Я плохо говорю по-итальянски. Понимаю немного, стажировался в свое время, однако... Но люди-профессионалы — они же чувствуют друг друга без слов. Это правда: язык искусства — самый великий язык. И вот когда он есть, все понимается в полтонах, во взглядах, в чувствах и так далее. И мы с дедом понимали друг друга без слов. И мне было приятно, когда он говорил: "Перфекто!" — то есть "Идеально!"... Меня Анджело спрашивал: "Миша, а когда ты начал этим заниматься?". А я ему ответил, что не помню. Помню только, что когда все дети бежали играть в футбол, я сидел и рисовал...

— Анджело понравилась твоя идея, твой проект?

— Да, очень! Он вникал в суть. И нам даже вместе пришлось по ходу принимать некоторые решения по изменению первоначального замысла. Тяжело рубить зерно жизни! Легче вырубить какой-то портрет, потому что есть какие-то аналоги, понятно, что надо делать. Природа уже сотворила какой-то образ, который ты можешь так или иначе повторить. А здесь полная фантазия, и все-таки надо было понять, почувствовать момент, когда ты ходишь и понимаешь, что это правда жизни. Хотя это и такая абстрактная форма, но из нее будет расти жизнь, первый росток жизни, формула жизни. Поэтому это было так очень не просто сначала — воплотить в мраморе, в объемной форме свои мысли, фантазии. Надо было еще учитывать, и в каком месте это будет стоять, какой фон. Как будет смотреться сверху, снизу, с разных сторон, как будет сочетаться с огромной стеной, на которой — элементы разных надписей, знаки... И мне было очень приятно, что когда я уже отослал фотографии готовой скульптуры, заказчик одной фразой просто вылил мне бальзам на душу...

— Что же это за фраза?

— Он написал: "Впечатляет!". Хорошо, когда у тебя есть хороший результат, который ты предвкушал... У меня бывали вещи и помасштабнее, но подобного еще не было, и поэтому очень интересно.

— Ну, вот видишь... Проекты в исторической части родной Одессы, знаковое место в Киеве, олигарх в Москве... И не нашлось никого другого, тебе заказали... Ты сейчас — номер один в Украине, ты — первый?

— Первый, второй... У меня на этот счет есть такая история. Когда я поступал в Муху (Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия, ранее носившая имя В.И. Мухомовой. — Авт.), было триста с лишним заявлений на 7 мест. 90 человек допускали к экзаменам. Осталось семь пацанов с разных концов Союза. Нам казалось, что мы уже взяли Эверест. И вот в первый день, когда мы пришли, Людмила Павловна Калугина, гениальный педагог, нам сказала: "Вы что думаете, что уже все? Если из вас семи получится один художник, это будет замечательно"... И действительно, художник всю жизнь сдает экзамен. Постоянно, в каждой работе. И чем лучше ты сдал предыдущий экзамен, тем больше от тебя требуется, ожидается потом. В искусстве ошибок не прощают. Если это делать по-настоящему, оговорки и поблажек быть не может. Потом ты можешь рассказывать сколько угодно, почему у тебя не получилось и что помешало... Ответственность очень большая, и чем дальше — тем больше... Хочется, если уж делать, то так, чтобы это не протекло, как песок сквозь пальцы, а все-таки осталось вот таким росточком жизни...

Юрий СКОРОЦКИЙ ВЕХА

ОБ ИСКУССТВЕ ОЛЕГА СОКОЛОВА

С Олегом Аркадьевичем Соколовым я познакомился дважды. Первый раз меня в бытность еще студентом представил ему мой дядя, небезызвестный в Одессе человек, Николай Алексеевич Полторацкий. Он был, что называется, коллекционером людей, особенно необычных, и называл их "вехами" на жизненном пути.

Мне был любопытен сам Олег и его очень разнообразное окружение, полностью выпадающее из общепринятых тогда социальных норм. Что касается его картин, то я видел только те, которые были развешены на стенах его квартиры. Должен заметить, что понятие "работы", распространенное среди художников, мне кажется лишним чуждым существованию. Картина, в отличие от работы — результата творческого труда, является именно Картиной мира, открывающей ворота в иное, преображающей сознание как того, кто открывает, так и того, кто созерцает открытое. Работу можно написать, нарисовать, но ее не создают, она не есть явление. Но и создать можно не просто своим усилием, а если "благодать снизошла". После этого и сам создающий преображается.

Обо всем этом применительно к Соколову я стал задумываться много позднее. А тогда его картины были для меня именно работами, которые я рассматривал со спокойным интересом. Встречались мы с ним нечасто. Когда я переехал в Ленинград, то за последние десятилетия виделся с ним только один раз в одесском Музее западного и восточного искусства. Потом, после его смерти, я познакомился с ним вторично, когда в 2009 году мы с моей милой Танечкой, будучи в Одессе, пошли на выставку его картин. На этот раз они заинтересовали меня уже очень не спокойно. И тогда Таня подарила мне диск с огромным количеством его картин, которые меня восхитили. Я только очень сожалею, что завишу от "чертовой" аппаратуры, вместо того чтобы взять альбом в руки и медленно путешествовать между листами в разных направлениях. Но, увы, такого альбома не существует. Вместе с тем оснований для этого несколько не меньше, если не больше, чем у тех, которые в раззолоченных переплетках продаются за сказочные деньги в петербургском Доме книги или киосках Русского музея.

Я думаю, Олег Соколов относится к той категории художников, творчество которых не подлежит обычному искусствоведческому анализу. То есть это делать можно, но бессмысленно ожидать настоящего понимания его творчества и его личности. Первое есть способ существования второго. Мне хотелось бы пережить картины Соколова как смысл его познания мира, как путь, к которому он шел, создавая самого себя и щедро делясь этим с нами. Мне не нравится слово "самовыражение". Самовыражается только Бог. Но, несомненно, есть самоприобретение, то есть то, что возникает в человеке, когда он, осуществив нечто, поднимается или опускается на некую ступень. В каждое такое мгновение человек становится более или менее, но иным. Если к его творчеству присоединяются другие люди, то и с ними происходит нечто подобное. Иногда даже большее, чем с самим творцом.

С.П. Дягилев, который был, помимо всего прочего, одним из самых тонких ценителей живописи, однажды заметил, что если при взгляде на картину начинаешь размышлять о тех или иных ее особенностях, принадлежности к не-

кой школе и т. д. — то, что делают знатоки искусства, критики, значит, дело дрянь. Картина пусть и хороша, но не захватывает, в нее не погружаешься, забыв об этих мелочах.

В картины Соколова погружаешься. Они подразумевают прикосновение к любым феноменам Вселенной. Художник вездесущ. Он с удивительной ясностью видит мир как-то одновременно. И каждый раз воплощает увиденное в очередную картину. Если творчество человека (а любая жизнь — это творчество, порой лживое и страшное) можно понять и пережить наиболее верно, узнав многие его произведения-поступки, то Соколов относится к той категории, когда это почти обязательно. Безусловно, каждая картина самоценна. Но их накопление в памяти зрителя — чем больше, тем лучше, — создают в сознании необъятный образ мира, выходящий из условной точки — одной, практически любой картины. Вселенная, загадочно дремлющая в некоем, якобы одном изображении, неожиданно разворачивается бесконечно распускающимся цветком. В нем нет лжи, нет, я бы сказал, даже фантазии. Есть пронзительная правда и зоркость видения нашего же, но более правдивого, мира. И здесь сразу же двойственность: прозрение красоты Эдема и ощущение красоты сатанинского карнавала.

Я понимаю Олега Соколова лучше всего через отрицание. К его творчеству не подходит ни одна из формальных характеристик. Это — не абстракция, не реализм, не сюрреализм, не пресловутый авангард. К Соколову мало применимы такие определения, как *прекрасный график, замечательный колорист* и т. п. Вряд ли стоит говорить, что у него великолепно развиты вкус и художественный такт. Все это, несомненно, есть. Но рассуждения об этом как-то тускнеют и даже несколько обесмысливаются. Они неинтересны, потому что эти особенности, которыми обладают многие художники, сами по себе не объясняют его творчества. Для меня он — художник странный, "нечетный", выпадающий из ряда многих замечательных мастеров (не всех). Соколов не ставит точку своей картиной. Он говорит: пойдём со мной, я хочу показать тебе то, что я пережил, когда изображал.

Его творчество есть бытие, а не сущее. Бытие, которое можно увидеть, только отступив от сущего, как это делали древние греки. Тогда бытие выплывает из-за сущего, становясь перед ним, и позволяет сущему быть. Тогда все привычное видится иначе. Само многообразие тем и техник изображения необходимы Соколову, для того чтобы не упустить любое мелькнувшее проявление мира, которое ему было дано предчувствовать сквозь и благодаря нерадостному туману, в котором он жил вместе с нами. Почти в каждой картине есть ускользающий момент восхода бытия из-за сущего, но схваченный в этом его ускользании.

Если приоткрыть полупрозрачную дверь в большинство картин Соколова, чуть нарушив висащую вокруг нее тишину, и медленно выйти наружу, пусть даже ярким солнечным днем, мне, например, вспоминаются лермонтовские строчки "Выхожу один я на дорогу...". Тогда можно надеяться увидеть невидимое и мыслить немислимое. Почти все картины Соколова — это приоткрытие, которое намекает на дорогу. Невозможно отказать ступить на нее, ибо на ней все переживается уже иначе, чем по сию сторону. Но если просто идти рядом с его картинами,

не пытаюсь войти в них, то смысл его Вселенной не видим.

Мне неизвестны рассуждения Соколова о философии и то, как отнесся бы он к моей интерпретации. Но для того чтобы так мыслить знаками художественных образов, необходимо вольно или невольно ответить "да!" знаменитому призыву знаменитого поэта Гельдерлина: "Перевернуть все способы изображения и все формы". И мне неведомо, имел ли это в виду Соколов, когда мыслит своими картинами. Я вижу лишь то, что получилось. Ни Кандинский, ни Пикассо, ни Дали и другие, в том числе любимый им Чюрленис, не сделали в этом смысле ничего подобного, хотя они оставили миру прекрасные картины. Уместнее всего в этой связи можно подумать только о Малевиче, который действительно увидел и узнал в увиденном нечто скрытое от большинства и, узнав, поставил такую большую квадратную точку. Однако это иная тема.

Фактически Соколов многозначными рядами своей единой картины сказал это "да!" вместе с Мартином Хайдеггером. Великий немецкий философ в 1973 году в Зарингене на последнем своем семинаре уточнил наказ Гельдерлина: мыслить таким образом, чтобы локализация мышления менялась. А это значит, мыслить, как считал Хайдеггер, исходя из немислимого. Он утверждал необходимость мышления, проходящего сквозь правильное для поиска истинного. Вероятно, здесь и есть основное отличие Соколова от большинства художников двадцатого столетия. Если почти все изображали пусть и не то, что видели, а то, как видели или мыслили, то он изображает то, что мыслит оно, то есть немислимое, то, что стоит напротив. Соколов видит мысль изображаемого и совершенно ничего не придумывает. Ему для этого не нужны ни сны, ни галлюцинации, ни вздорное подсознательное, ни магия, ни ясновидение, которое Набоков иронически называл "непристойным подглядыванием". Соколову нужно только редчайшее, ясное человеческое сознание. В религии, истории, науке, или искусстве не так уж много подобных творцов. Как полагали отцы Церкви и философы, для пребывания не только в Духе Святом, но и при совершении греха необходимо явное

осознание поступка. Именно отсюда и неизбежна последующая ответственность. Никакого транса, никакого экстаза! Артур Саймон, друг и знаток искусства одного из самых загадочных графиков конца девятнадцатого столетия, Обри Бердслея, указывал, что в его иногда зловещем и, как мне представляется, мистически параллельном искусстве, осознание греха всегда было абсолютно ясным.

Мне кажется, категория смысла, высшего смысла, была для Соколова тем, ради чего он жил. Он прекрасно осознавал это и работал не просто интуитивно, пользуясь своим необъятным художественным воображением. Он был слишком умен, и потому сознательно пронизывал своим ясным умом саму интуицию. После его картин изменяется восприятие так называемой реальности. Стол, окно, дерево в окне, далекое облако видятся как-то по-другому. Они задают вопросы. Я бы даже сказал, что вещи становятся именно на свои действительные места, с которых они были сорваны. Все наделяется более точным смыслом. Это особенно касается портретов, после созерцания которых человеческие лица становятся пронизываемыми, как свое собственное, так и окружающие. Они начинают отвечать на вопрос. Теперь уже нельзя не видеть в людях что-то иное, скрытое прежде. Иногда возникает странная, на первый взгляд, мысль, что раньше ты жил в дереализационно-деперсонализационном мире, а теперь это и есть настоящая реальность.

Можно бесконечно долго странствовать по картинам Соколова, часто возвращаясь, отыскивать нечто очень значимое для данного состояния сознания или уходить в лабиринт изображений без явной цели. И это не просто всегда путешествие, это путешествие — мениппея. Путник в роли праведника участвует во всем мыслимом и немислимом, переживает всевозможные чувства, видит эти чувства в бесконечно разнообразном их выражении, без масок в неискажаемой чередой ситуаций и форм добра и зла. Этот вселенский театр раскрывается мизансценами среди созвездий и постелей, в геометрических конструкциях и полупрозрачных пятнах, в чарующем многоцветии и магической монохромности,

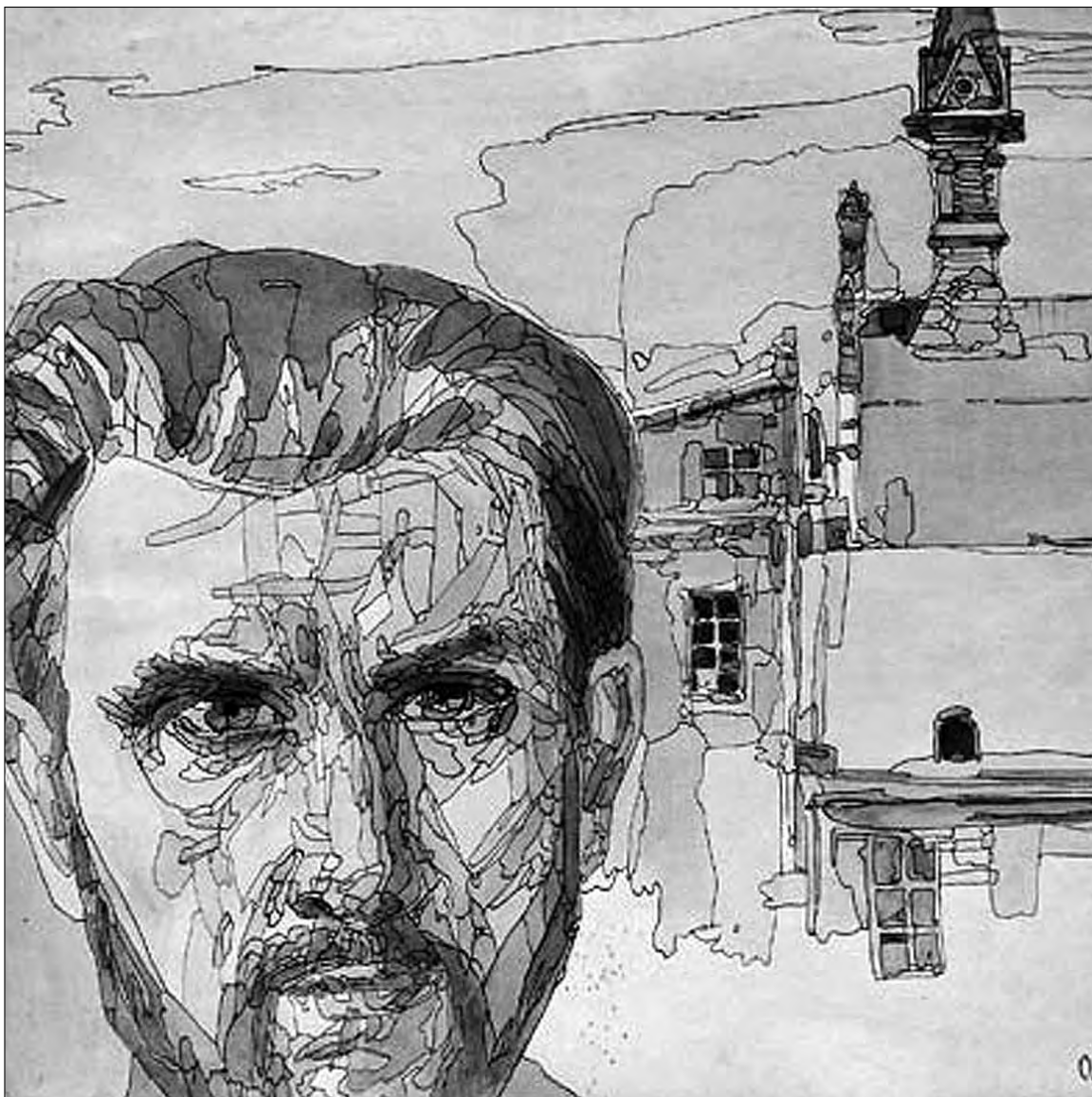
между нестерпимо сочной чувственностью и чуть заметным графическим благоуханием нежнейших растений. Путник становится соучастником в самом прекрасном и самом ужасном. И путник перестает быть путником, зрителем, превращаясь в спутника, участвующего во всем этом карнавале, пока он в нем. Пока он здесь и сейчас. Он вспоминает или узнает впервые, что он транзитный пассажир, потому что он соучастник гармонично тревожного творчества, изначально свойственного человеку. Но пока длится это *пока* между до-рождением и после-уходом, следовало бы успеть спросить себя: зачем я здесь?

Своими картинами Соколов создал единую, гармоничную в своем своеобразии многооую картину. При сплошной развеске, например, рама к раме (а лучше вообще без рамы), и никак не систематизируя, не подбирая что-то к чему-то по тем или иным признакам, можно путешествовать по этой Вселенной. Можно увидеть, что мир есть точка и гармонично противоречивое переливающееся пространство. В этом пространстве Соколова нет ни одним штрихом меньше, ни больше. Он мог бы сказать, подобно Моцарту о "Волшебной флейте": "Ни одним звуком больше, ни одним меньше".

Немало известно о цветомузыке, которой, как я слышал, интересовался Соколов. В буквальном выражении мне это мало интересно; в метафорическо-философско-поэтическом — очень. В этом смысле у Соколова звучат все инструменты мира. Не музыка дополняет цвет, и не цвет соответствует музыке, а симфоническая необъятность Вселенной Олега Соколова приоткрывается переливающимися образами в потоках невидимого многим света.

У Киплинга есть удивительный роман "Ким", в котором два друга, мудрый старый индус и энергичный английский мальчик, идут через весь роман. Киплинг в начале пишет, что они тронулись в путь особой походкой тех, которые идут по опасной непредсказуемой и очень далекой дороге. Сладкое и щемящее начало пути. С картинами Соколова я чувствую себя мальчиком Кимом.

Январь 2010 г.

Памяти одной ночи. 1963 г.

Арсения ВЕЛИКАЯ УТОПЛЕННИКИ

РАССКАЗ

В конце концов, элегантная защитная каска подчеркивает значимость и вызывает уважение к ситуации. Действительно же, никто не станет носить каску просто так. От нечего делать. Даже если она освежающего цвета красного цвета и изящных овальных форм. Мне всегда шла моя каска, как воинственный шлем Афины или как чалма Шамаханской царицы. Вообще, общеизвестно, что крупный головной убор всегда придает величественный и гордый вид.

Недаром мелкие и кривоногие наездники-кавалеристы любили высокие шапки-папахи. Они носили их как символ своей отваги и удали... Но это уже другая песня.

Каску, вообще-то, я носила, повинуюсь правилам техники безопасности, всего полгода. Окончив университет, я (мечтавшая о тонко интеллектуальных материях) неожиданно оказалась на заводе. О производстве я до этого почти ничего не знала (не считая коротких экскурсий в цех), и шум, загазованность, неумываемость мужских лиц, а также их отношение к жизни меня несколько озадачили.

Потом оказалось, что по территории завода можно ходить только в каске. Моя заводская деятельность проходила, как в тумане. Она слабо напоминала мне знакомую реальность своим смутно протекающим временем и непредсказуемыми непонятностями. Особенно если углубиться в суть вопроса и разобраться, чем же мы занимались на заводе.

Дело в том, что наш цех из месяца в месяц выполнял план исключительно на утопленниках. Да еще если взять в расчет, что эту нашу увесистую продукцию везли за тысячи километров в Сибирь и там топили в болотах, нормальной эту деятельность нельзя было назвать даже с большой натяжкой.

Просто наш цех был недавно запущен в строй, и технологи никак не могли добиться хоть какого-то качества продукции. Чугунные изделия выходили с воздушными раковинами, прожилками других сплавов и уродливыми окалинами. Окарины эти были похожи на вытекшую из формы аппетитную корочку хлеба, которую всегда хочется отломить и съесть. Здесь же эти

"корочки" обрезали отбойными молотками, от работы которых в цеху стоял оглушительный рев, а рабочие от вибрации через два-три года переходили из обрешетки на другой участок.

Для начала, чтобы хоть как-то научиться работать на плавильных печах, руководство и решило делать первую продукцию конструктивно несложной, а именно такой, чтобы ее не жалко было топить в болотах, гатя основу для железнодорожной магистрали... Надо сказать, как ни старались все в цеху, работая в три смены, из любых моделей у нас получались все те же утопленники, и увольнялся с завода, я так ни разу и не видела у нас какой-никакой приличной отливки.

Как ни мучилась моя подруга Сусанна — хорошенькая умненькая девушка-технолог, колдуя над формовочными смесями, проверяя песочную массу то на ощупь, то на запах, — результат был один: утопленники.

Она иногда чуть не плача упрашивала рабочего Сеню Ковалева поменять что-то в составе, но тот, страшно недовольный, вечно говорил, что это глупости, или у него перекур, или чтобы она шла себе с Богом и не путалась под ногами. При этом он всегда любил повторять, что жаль, что он не выучился, — а то бы все у него знали, где раки зимуют.

Сусанна хлопала огромными притрушенными песком ресницами и молча уходила прочь.

За Сусанной все время бегала в такой же каске женщина-лаборант. Она брала в цеху формовочную смесь, потом в маленьких металлических формочках лепила из нее что-то наподобие детских "пасочек". Затем она измеряла по часам, как они сохнут, или разбивала их на столе. Лаборантка была исполнительна, жила в соседнем селе, но была несколько туповата. Она никак не могла запомнить Сусанно имя и называла ее почему-то Хризантемой.

Сеня Ковалев всегда любил поучать техперсонал. Со знанием дела он авторитетно говорил, почему то или это не надо делать: включать, подавать или разгружать. Он заранее всегда знал, что все это зря, не так и плохо кончит-

ся. Вдогонку он нам с Сусанной говорил, что "ходят тут всякие плоскодонки, ничего не понимают в деле", вот жаль только, что он не выучился, а то бы показал тогда, как надо руководить.

Сусанна, вздохнув однажды на выходе из цеха, тихо произнесла: "Господи, спасибо Тебе за то, что ты не выучил Сеню Ковалева".

Вообще-то, вследствие того, что цех был недавно запущен в строй, в нем работало много молодых специалистов. Спецодежда у всех была новой, красные каски отливали на свету гламурным глянецом, а роботы с высокими стоящими отворотами смахивали на защитный камуфляж. Такая экипировка позволяла прятать все недостатки фигуры, быть защищенной от непредвиденностей, выглядеть ярко и по-цеховому уместно.

Руководил нами пожилой инженер Вседипролет Михайлович. Он был старым литейщиком, переживал, если случались неудачи, и воспитывал молодое поколение. Надо сказать, что Вседипролет было его настоящее имя, а не художественная выдумка, как Сквозник-Дмухановский у Гоголя или Крытов-Рынков у Ильфа. Дело в том, что его родители были старые большевики и называли его в честь Всемирной Диктатуры Пролетариата Вседипролетом. Менять имя или как-то корректировать его на привычный лад ему казалось не с руки. Так он и оставался всю жизнь единственным на Земле Вседипролетом.

У нас почему-то во все времена хотели придать именам детей исторический пафос. Вот Сусанна по прихоти своего отца тоже звалась Сусанной Ивановой в честь такого же печально известного, как и диктатура, Ивана Сусанина.

Сеня Ковалев, не углубляясь в тонкости идеологии, называл инженера просто Вертолет.

Однажды мы с Сусанной, продефилировав по цеху, уже собирались пить чай, как на пути нам встретился все тот же вездесущий Вседипролет Михайлович. Он, вздохнув, сказал, что у него к нам как к итээровцам важнейшее задание. Проследить, чтобы Сеня Ковалев заложил стеклоблоками окно в подсобке. Стекло из рамы уже

вытащили, а оставлять комнату с прорехой в стене было нельзя. "Я ему выписал наряд, деньги он получит дополнительно, вам же задание проследить, чтобы окно было сегодня заложено хоть на уровень поднятой руки".

Поднятая вверх рука была, конечно, не ахти какой высотой, учитывая, что перекрытие между этажами в цеху составляло более шести метров. Тогда с заводов выносились все и вся (особенно с мясозаводов), и высота поднятой вверх руки была смешной для любого уважающего себя человека. Так что, приказание руководителя было чистой проформой, да и завод у нас был литейный. А не мясной.

Мы приняли приказ к сведению и весь день слонялись за Сеней, а он, как солнечный зайчик, от нас тихо ускользал. На наши просьбы хоть приступить к работе он, наподобие Тристана из "Собаки на сене", повторял: "Счас, счас, момент, все будет в ажуре", — и вновь куда-то линял с дружками.

Вообще, в цеху наряду с порядочными рабочими всегда были и люди типа Сени, если можно так выразиться, "других взглядов". Они озабоченно передвигались по территории завода в серых мятых спецовках. Ходили они очень шустро, ссутулившись и стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. По их виду сразу можно было определить, что этот сосредоточенный человек или ищет, на всякий случай, что плохо лежит, или спешит доделывать очередную "халтуру", а может, разрабатывает в уме сложную операцию по транспортировке тяжестей, миную заводскую проходную.

На неожиданную встречу с начальством и его тяжелый вопрос, чего-де он болтается по территории завода без дела, у подчиненных такого рода всегда была заготовлена страстная ответная речь. Она часто происходила с чувством обиды и справедливости: как не дают рабочему человеку работать, как чего-то всегда не хватает, какой везде бардак и маленькая зарплата. Начальник, матерясь внутри себя, раздраженно шествовал дальше, уже жалея о том, что задел д...

После обеда Сеня наконец выложил три ряда блоков и на гневный взгляд инженера он верноподданно обещал: "Вертолет Михайлович, я ж сказал, что сделаю, — значит, сделаю".

Вседипролет Михайлович, осмотревшись по сторонам, уткнулся в нас тяжелым взглядом и мрачно произнес: "Так, красавицы, не уходите домой, пока Сеня не выложит положенный уровень". И ушел.

Мы обреченно вздохнули. Сеня опять куда-то намылосился. Лаборантка, сложив свои "пасочки", тихо спросила: "Хризантема Иванова, ну что, я ухожу?..." — и стала собираться.

Мы с Сусанной остались одни в надвигающихся сумерках. Наверху уже заступала вторая смена, нехотя включаясь в работу. Там меж лязгом машин слышались то смех, то крики. О работе пока еще ничего не напоминало.

На душе было тоскливо и голодно. Самое главное — мы не знали, когда и чем это все закончится... Мы молча сидели в тишине, как вдруг раздался оглушительный взрыв... Все затряслось, на нас что-то повалилось сверху. Спасло нас только то, что огромное окно в подсобке не было закрыто. Ударная волна вырвалась через него на волю, не разрушив тут все и вся.

Впоследствии оказалось, что взорвался газ, скопившийся после неправильной выгрузки печи. Когда в лабораторию, находящуюся внизу, бросили по специальному вертикальному желобу пробу (небольшую чугунную отливку), она, пролетев с высоты шести метров, ударилась об ограничитель и вызвала искру. Скопившиеся газы взорвались, снес пол лаборатории.

Словно в замедленном кино, мы с Сусанной, открыв перепуганные глаза, наблюдали, как по наклонной плоскости обвалившейся балки перекрытия сползли вниз один за другим утопленники, грузно наваливаясь друг на друга. Их фиолетово-сизо-черный отблеск свидетельствовал о чем-то страшном и роковом. Казалось, что они, не дождавшись утопления в болотах, уже сейчас двигаются в направлении преисподней.

— Утт-это, блин, рвануло! — присвистнул неизвестно откуда материализовавшийся Сеня Ковалев. Он недоверчиво вглядывался прищуренными глазами в утопающее в пыли и чаду чрево подсобки, как будто это было логово Змея Горыныча.

Дым, гарь и остатки гремучих газов, казалось, возбуждали его яркое воображение и интригующие предчувствия.

— Утт-это кому-то скоро не повезет... — медленно, нараспев, мрачно предвещал он.

Мы с Сусанной, обалдев, протирали глаза и стряхивали пыль, когда в подсобку ворвался ошалевший Вседипролет Михайлович. Остатки халатов, тапочек и листы из популярных журналов феерично опускались из поднебесья на пол. Оглушенные, мы ничего не слышали, а он со слезами на глазах обнимал нас и что-то говорил, говорил... глядя наши изуродованные каски...

Евгений ВОЛОКИН ЗИМА В ОДЕССЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗИМА...

Юрий ОВТИН БРИЛЛИАНТ В ТРИ КАРАТА

РАССКАЗ

Душным июльским вечером я проходил мимо арт-галереи "Черная жемчужина", которая принадлежала моей давней приятельнице Милене, и с удивлением увидев в окнах свет, решил заглянуть туда на огонек.

Милена, которая со своими женственными формами и жгучими, как угли, глазами в оные времена могла бы быть натурщицей одновременно как у Ренуара, так и у Модильяни, сидела за рабочим столом в своем небольшом кабинете. Рядом с ней, как птички на жердочке, устроились ее продавщицы Аля и Марина, гордо именовавшие себя галеристами, в прошлом — театральные художницы. Около них стоял долговязый длинноволосый Валентин, мастеровивший в галерее из багета по заказу клиентов рамы для картин, впрочем, и сам — художник и музыкант, бывший к тому же в молодости руководителем и солистом вокально-инструментального ансамбля.

В ответ на мое шумное приветствие Милена, против обыкновения, приложила палец к губам, зашипев при этом, как кошка, и указала вглубь демонстрационного зала, где, отчаянно жестикулируя, горячо спорили двое хорошо мне знакомых мужчин. Одним из них был широко известный не только у нас в стране, но и за рубежом, хорошо покупаемый модный живописец-маринист, заслуженный художник Жора Дятлов по прозвищу Дятел. Другим спорщиком был коллекционер и меценат Алексей Калинович, владелец строительной фирмы, возводящей многоэтажные жилые дома, очень богатый, по моим сведениям, человек, которого имевшие с ним дело художники за глаза называли Калиной.

— Калина решил купить у Жоры картину, — шепотом прояснила мне ситуацию Милена. — Так вот, торгуются уже два часа, никак не могут договориться о цене. Ну, ты же знаешь своего друга, — за копейку удавится, не уступит.

Друзьями моими были оба спорщика, оба они стояли друг друга, и кому из них выразила свое неудовольствие Милена, повисло в воздухе, так как сделавший пирует Калинович увидел меня и приветственно замахал рукой:

— Здорово, Петрович! Вовремя ты пришел! Вот кто будет у нас арбитром!

Я поздоровался с ребятами и со словами "С вас бутылка!" выслушал обе стороны.

Дятлов написал шикарное полотно и, зная о том, что Калиновичу оно приглянулось, и тот уже несколько раз заходил прицениваться, хотел срубить за свою картину "три штуки зелени".

Калина, собравший за долгие годы большую коллекцию живописи и скульптур, знал о том, что подавляющее число художников, в том числе и таких мэтров, как Жора, ведут полугодовалый божественный образ жизни, и при покупке картин руководствовался железным правилом — сбивал цену ровно вдвое и до упора стоял на своем, памятуя о том, что любая картина стоит ровно столько, сколько за нее дают. Бывали случаи, когда вполне приличную работу он приобретал и вовсе за бутылку водки. Вот и сейчас он предлагал Дятлу тысячу триста баксов, полагая купить в итоге полотно максимум за полторы штуки.

Жора же категорически возражал, не уступая ни копейки, но имея в уме нижним пределом две с половиной тысячи, мотивируя свою настойчивость тем, что к картине уже присматривались и другие потенциальные покупатели, а также и то обстоятельство, что Калинович также был прекрасен об этом осведомлен, а потому ни за что бы не упустил понравившуюся ему работу.

Потные и взъерошенные, оба они уже очень устали, и ситуация казалась им патовой.

— А знаешь, Жора, — вдруг выпалил Алексей, — давай так: как Петрович скажет, так тому и быть. Ни мне, ни тебе он плохого не пожелает.

После минутного раздумья, недоверчиво глядя на меня, с глупой улыбкой на лице Жора все же утвердительно кивнул головой.

Недолго думая, я вынес свой вердикт:

— Картина продается за тысячу девятьсот баксов!

— А почему не за две? — возмущенно воскликнул Жора.

— А потому что еще на сто баксов Алексей накроет поляну! — забил я в лузу последний победный шар.

После недолго осмысления сказанного Алексей и Жора к вящей радости окружающих скрепили сделку рукопожатием.

Женщины захлопали в ладоши: Милена в предвкушении процентов от сделки, совершенной в ее галерее, Аля с Мариной оттого, что наконец-то получают долгожданную зарплату. Рядом с ними улыбался и довольный Валентин.

— Только при одном условии, — вдруг поднял палец вверх Калинович.

— В магазин за выпивкой и закусочкой пойдет Петрович!

— Нашли самого молодого, — начал было возмущаться я.

— Петрович, не выступай, — нежно проворковала Милена, поглаживая меня по спине. — Ты же прекрасно знаешь, кому что надо брать!

Это была истинная правда. Милена отдавала предпочтение шампанскому, причем исключительно брюту, Калинович, Жора, Аля и Марина пили коньяк, мы же с Валентином не признавали ничего другого, кроме водки. Валентин вызвался пойти со мной помощником.

— Петрович, миленький, если там будет, прихвати на закуску клубнику! — крикнула нам вдогонку Милена...

...Сделав с запасом необходимые покупки, я, зная нравы компании, прихватил с собой еще дюжину пива и несколько пачек тонких дамских сигарет. Себе же мы с Валентином выбрали сигары "Индепендент", а для Алексея с Жорой — "Васко да Гама".

...Застолье было в самом разгаре. Изрядно выпив и захмелев, все дружно закурили, когда из вязкой уличной тьмы в галерею, как мотылек на свет, впорхнуло нежное создание и мягким воркующим голосом поздоровалось с нами.

— Знакомьтесь, это моя подруга Ольга, — представила нам незнакомку Милена и со словами "Петрович, подвинься" обратилась к ней:

— Подсаживайся к нам сюда, места хватит.

Ольга втиснулась между мной и Миленой, и я приобнял ее за плечи.

Она вдруг неожиданно задрожала всем телом, не оставляя никаких сомнений в том, что мужчина прикоснулся к ней давненько, тем самым зародив у меня шальную мысль, что этот вечер будет не совсем обычным. Однако Ольга, осторожно высвободившись из-под моей руки и не мигая глядя с усмешкой мне прямо в глаза, попросила налить ей шампанского, заставив мои мысли вернуться с заоблачных высот на грешную землю.

— Так за что пьем? — спросила она Милену.

— Да вот, Жора сегодня своего рода именинник, продал с подачи Петровича свою картину.

— А вот кто бы помог мне продать брошку, — пригубив шампанского, сказала Ольга, откалывая

при этом с блузки роскошную золотую стрекозу, усеянную кроваво-красными гранатами, и передавая ее Милене.

При этом вдруг тусклый свет горящей лампочки, таинственным образом отраженный от перстня, нанизанного на средний палец Ольгиной руки, переливаясь всеми цветами радуги, тонким лучом прошелся по лицам всей нашей компании.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул я. — Это что, бриллиант?

— А почему бы и нет? — улыбнулась Ольга.

— Нет, не в этом дело, — смутился я. — Просто так, темной ночью да еще подшофе, и с таким камушком... Да тут не меньше трех карат... Штук на сто "зеленых" потянет... Тут нужно быть либо отчаянно смелым человеком, либо безумцем.

— Так уже и на сто штук, — встряла в разговор Марина, и все вдруг оживленно заспорили, сколько может стоить этот камушек...

В драгоценных камнях я был полный профан, однако часто любил смотреть телеканал "Мега-спорт". Вы спросите: "А какая, собственно говоря, тут связь?"

А дело в том, что на последнем чемпионате мира по легкой атлетике, проходившем в Испании, когда я болел за свою любимую спортсменку, прыгунью в высоту с шестом и красавицу Елену Исинбаеву, готовившуюся к установлению своего очередного мирового рекорда, комментатор сказал, что администрация стадиона с целью поощрения спортсменов установила два бонуса за два самых ярких мировых рекорда: слиток золота весом в один килограмм и бриллиант весом в один карат — и то и другое стоимостью в десять тысяч долларов.

Об этом с видом знатока я авторитетно поведал всей компании.

— Ну так, если один карат стоит десятку, то три будет стоить тридцать тысяч, а не сто, — высказала свое мнение Марина.

— Не скажи, не скажи, — возразил ей я. — Тут стоимость возрастает не в арифметической, а в геометрической прогрессии от размера камня.

— Да нет там никаких трех каратов, — вмешалась в наш спор Аля.

Все замолчали и вопросительно уставились на Ольгу, которая, чему-то улыбаясь, молча крутила на пальце перстень с бриллиантом.

— Давай, не томи, сколько весит твой булыжник? — не выдержала Милена.

Обведя нас всех томным взглядом, Ольга ответила:

— Два и восемь сотых карата...

Все вдруг одновременно загудели.

— А знаешь что, Ольга, — перекрыл всех своим раскатистым баритоном Калинович, до сих пор молча куривший сигару, — я вижу, что вам нужны деньги. А потому продайте мне свой перстень. У моей жены Карины через пару дней круглая дата, тридцать лет. Думаю, что это будет неплохой подарок.

Карина была четвертая или пятая жена Алексея. Она была на двадцать лет моложе и недавно родила ему сына. Калинович был без ума и от жены, и от ребенка и частенько любил в компании прихвастнуть ее молодостью. Однако когда его уж слишком заносило, мы вспоминали абсолютного чемпиона, семидесятилетнего Милу, бывшего директора Калиновича, у которого тот в молодые годы работал на стройке электриком. У Мили жена, родившая ему троих детей, была моложе аж на сорок два года!

— Короче говоря, — продолжил Калинович, — у меня при себе восемнадцать тысяч долларов. С этими словами он вынул из кармана куртки деньги и положил их на стол.

— Возможно, перстень этот стоит намного дороже, но и продать его вот так с ходу невозможно, а тут все-таки наличка, и немалая... Решайте.

Мы, как зачарованные, переводили взгляд с бриллианта на ворох долларов. В тесном душном помещении повисла тишина. Через открытые на улицу двери было слышно, как далеко на рейде горланно перекликались ролкеры и балкеры, да повизгивал маневровый тепловоз в порту.

Ольга вдруг поднялась и, повертев перед нами пальцем с перстнем, сказала:

— Этот бриллиант — подарок любимого человека, мой талисман и оберег, а потому он бесценен, и ни о какой продаже не может быть и речи.

И послав всем нам воздушный поцелуй, растворилась в ночной темноте улицы.

— Любопытная дамочка, — протянул я. — Интересно, кто у нее муж?

— А ты что, разве не слышал этой истории? — спросила меня Милена.

— Ее муж, военный летчик, лет восемь назад разбился на Дальнем Востоке, уводя горящий самолет в сторону от городских кварталов... После этого она переехала в Одессу, к родителям, замуж второй раз не вышла, сама воспитывает дочку...

Мы замолчали. Каждый думал о чем-то о своем...

Евгений мучник

Казалось, выдохся поэт, иссяк, излился, истощился, ждать больше нечего... Ан нет! Опять на молодой женился!..

Из милицейской хроники

В литкафе случилась драма, а точнее — просто драка: бились фаны Мандельштама против фанов Пастернака.

Мы с нею повстречались у бювета. Я помогал ей воду набирать. Потом набрал себе. За время это успел ее из виду потерять — в ту пору было много там народу. Я даже не успел ее спросить: она пьет кипяченой эту воду или рискует и сырую пить?..

Одессит в Израиле

Лет почти на сорок молодея, радуюсь, куда ни кину взгляд: здесь везде полным-полно евреев, — как в Одессе сорок лет назад!..

Случайно как-то раз услышав где-то, что издают двухтомник писем Фета, на грустной мысли вдруг себя поймал о том, что, кроме сайтов Интернета, уже сто лет я писем не писал...

После бури

М. Лермонтову
и М. Горькому

Сломалась мачта, парус белый лежит на палубе тряпьем. И буревирик очумелый, едва живой, сидит на нем...

По мотивам Пастернака

Других на вечер планов нет, темнеет рано. Нам вместо свечки служит свет телеэкрана.

И башмачков настал черед — упали на пол. А где-то рухнул самолет, и кто-то плакал.

Скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенье, а где-то злой вершится рок — землетрясение...

И ничего уж не хочу — перегорело. Вот если б я зажег свечу — другое дело.

Выписываясь из больницы

Вы не давали нам скучать, фантазий ваших мир огромен. Вас будет очень не хватать здесь, в нашем сумасшедшем доме.

Татьяна ОРБАТОВА

Мифология тела

все дальше пустыня гоби от наших с тобою лун,
все явственней переходы в подземные миражи.
кружить по оси — привычной, и только мальчишка-гунн
вдруг в генном плену очнется, и вмиг от скупой межи
(кусочка земли с обличем забытого нами дня)
помчится на запад шумно. вернется ли он на юг?
где краскам давно под солнцем приказано не линять,
где чувствам не отозваться на хор... нет, на общий звук —
торговцев и гастарбайтеров, как вестников черных зим.
но... впрочем, с тобой придумали мы — черные покрова,
для скрyтия всеусталости, которой болеет мим,
для совести, выступающей за равные с ним права...

и когда марсельезу играет нам ветер на крыше,
и когда из морских одиночеств — скользкая манта
колыбельную нам напевает под вечер — мы дышим,
машинально листая в себе философию канта.
но с ладоней деревьев срываются теплые слезы
в кистеперую память, плененную в соке клепсидры.
до мгновения этого все виноградные лозы
нам казались забытыми в плоскости старой палитры.
до мгновения... рядом зашлись в астматическом кашле,
сигаретную просесть на лбах поправляя, — народы.
сколько их в наших клетках — глядят на просторные пашни,
примеряя, как платья, еще не рожденные хорды.

звери и птицы бьются под панцирем наших тел,
лапами — на зеро, — чтобы услышать нас,
не попирая Азъ и законы небесных дел,
знающих объектив — вписанных в рыбий глаз.
звери и птицы, сколько продлится ваш плен?
сколько вершин достичь нам вместе и врозь?
скольких из вас увидел в себе гуинглен,
скольких не видим мы, проживая скользь...
в мрачном кругу безволия, в стенах своих квартир
блеклый последыш памяти высушен, но живет.
слышит — компрачи́косы рожают, рожают в мир
каменных истуканов из озера чермных вод.

дороги, дороги, пути — от покоя до битвы...
начало берут из сердечного ритма и выются
от локона страсти до вязи безмолвной молитвы —
к большим кулакам, что сжимает на площади нунций.
зовут нас к заутрене — кто? голоса безымянны.

но бритва оккама готова к работе, как прежде, —
из абрисов тел, отражающих тени в туманы,
срезает слоями ненужное — слишком небрежно.
дороги, дороги... проснутся ли в нас далай-лама,
кричащий во сне инквизитор, седой герменевтик?
срезает, срезает ненужное бритва оккама,
пока золотые телята купаются в нефти...

дни замерзают от ветра, когда их считают.
дни соляными столбами стоят у дорог —
по номерам и по датам. тропинка витая
кажется длинной, и долгим — пожизненный срок.
в гуще туманов — лишь тень фиолетовых крыльев.
гулко стучит по вискам водяной метроном.
хочешь колумбом ты быть? и в далекой севи́лье
ты побываешь однажды... в обличе ином.
встретишь в соборе того, кто антверпенской розой
звал чью-то душу, лаская холодный кристалл...
судьбы свои назовете скучнейшею прозой,
вслух рассуждая: кто больше от жизни устал.

хочешь ты быть отражением генриха крамера?
тело желанное в огненных струях топить?
женщины тело нагое — в тюремную камеру
бросить, как куклу, срезая бесовскую нить?
плоть истязая, молитву шептать у покойницы
с тонкими пальцами, ранее чувственным ртом?
зная подспудно, что сила божественной вольницы
не в энтропии безумья. но правит фантом —
спит милосердие... разум — в порыве величия,
тени сомнения в полдень исходят на нет...
"праведник крамер" карает во имя приличия? —
жертвенной кровью питает свой истинный цвет.

травы безропотно жухнут по воле Ярила...
ночи — подлунные сводни — знакомят со страхом.
думаешь, где-то лилит на мгновение явила
будущих демонов над человеческим прахом.
и, уменьшая величье космических лоций,
и, умножая без меры количество бедствий,
вдруг забываешь согласие свое с песталоцци,
сердцебиенье снижая лекарственным средством.
яркими снами — в небесных полях персеиды,
но алфавит их писаний тебе не по силам.
молвишь: "за что?" — проклиная лихие планиды,
с тайной надеждой на черта и... божию милость.

пляшет махаон над уснувшей троей,
желтый, черный цвет в красной бузине...
веришь или нет — смерть тебя не тронет?
видишь или нет — кровь свою в вине?
порохом войны щели конопатят —
в замках и дворцах. молкнут небеси.
слышишь шепот, там... в самой бедной хате:
"Мать Божия, сыновей спаси..."?
слышишь, как скрипит мир седой, но зыбкий,
ветру дань свою выплатив сполна?
дни несут в рассвет прошлого ошибки
с привкусом земли, свежего вина...

...и только робкий взгляд со дна первооснов —
из створок бытия, улиточной одежды,
скользнет по облакам. над чашами весов
оформится в мечту, но... обнулится — между
золою и огнем. лишь памяти глагол —
любить! тебя любить, как встарь, и не иначе,
спешит из сердца ввысь — в заоблачный подол,
туда, где весны все, несбыточные, плачут
капелью давних снов, в которых нам с тобой
дано с избытком встреч и нежности избытком.
с беспамятства, с нуля — безмолвною рабой
иду на голос твой. но холодно и зыбко...

Фотография Олега Владимировского.

Илья РЕЙДЕРМАН

Книга читателя, или Актуальная классика

Валерий Хаит издал довольно толстую книгу дневниковых записей, статей разных лет, размышлений, и назвал ее "Книга читателя". Читать эту книгу — наслаждение. Открыл наугад — и находишь длинные цитаты, чаще всего до боли знакомые. Но перечитывать это знакомое радостно: кто-то другой восхитился вместе с тобой. А главное: вранье, будто классическая культура умерла. Тексты, к которым разным людям, ничего не зная друг о друге, идут разными путями, — это и есть живая классика. Впрочем, я бы употребил еще одно слово: актуальная. Значит, существующая сейчас — уже не в силу авторитета (авторитетность классики, увы, в нашу эпоху утрачена), а в силу каких-то других факторов. Каких? Я бы сказал: в силу факторов уже не объективных, а субъективных. Например, таких, как отменный вкус.

Но ведь говорят, что о вкусах не спорят. И в самом деле — вкусы у всех разные. Валерий Хаит — писатель-сатирик, и в числе его приоритетов, естественно, Жванецкий, Довлатов, Игорь Иртеньев. У меня несколько иные приоритеты. Но это не мешает нам вместе любить Пушкина, Пастернака, Заболоцкого, Ходасевича... И не любить, предположим, скандально известного Сорокина. А главное, все, что он цитирует, —

убеждает! Даже его собственные стихи, в большинстве своем весьма неплохие.

Оказывается, если не спорить о вкусах, — то вкусы нас объединяют! Конечно, если это хороший вкус. Обладание хорошим вкусом было свойственно всегда людям культуры. И в первую очередь, аристократам. Существовали вкусы "высокие" и "низменные", свойственные мещанской публике. Слушая музыку в филармонии или смотря на картины на вернисажах, — я не могу не думать о том, что утерян хороший вкус, а заодно и чувство стиля, тем паче Большого стиля. А без этого нет культуры. Это воспитываться должно с детства — в культурной среде. Или, по крайней мере, на верстываться интенсивнейшим самообразованием. Последнее было характерно для людей моего поколения.

У сегодняшних "творцов культуры" — нет хорошего вкуса, зато они демонстрируют наглую безвкусицу, выдавая это за новаторство. Прежде говорили: интеллигентный человек! И добавляли: начитанный! И еще — интересный собеседник! И интеллигентность, и "интересность", — как видим, в прямой связи с "начитанностью". С умением рыться в книгах, выбирать нужную, просеивать золотой песок строк, выбирая золотинки

смыслов. Мы, шестидесятники, были именно такими. Тем паче, что многое в культуре прошлого было в то время под запретом. И стихи Мандельштама, и "Август" Пастернака, и очень многое другое... Русский "Серебряный век" был как град Китеж, под водой.

Да, это действительно книга Читателя. Мне очень нравятся его дневниковые записи конца шестидесятых (как раз в те годы, когда он был капитаном команды КВН). Вот он читает "Чехов и Толстой" В. Лакшина — и перечитывает Чехова и Толстого. А заодно пишет в качестве отклика стихотворение "Роман" — прямо в духе позднего Пастернака. И добавляет тонкое размышление о том, а любила ли еще бросающаяся под поезд Анна — Вронского? Может быть, она "любила любовь", — и отсутствие любви убивает? Все мы "любим любовь" — в самом широком смысле этого слова. Любовь к миру и к людям — рифмуется с любовью к книге, к культуре. Возможны ли одна без другой?

Валерий Хаит написал "открытую книгу" — книгу, в которой открылся, распахнул мир своих пристрастий, мыслей, дневниковых заметок. Это всегда требует мужества. Ибо автор, так "открывшийся", — беззащитен. Всякий по-снобистски может его упрекнуть. Так бесстрашен в своей беззащитности и всякий

лирический поэт. Он ведь душу распахивает. Поэтому, кажется, сегодн и перевелись лирики! Стихи пишут, но... пишущие — как бы и не лирические поэты. Прикрываются то ли холодноватым интеллектуализмом, то ли иронией. Вот и Хаит вооружен иронией — хотя бы в силу профессии. Сатирик, издатель "Фонтана". Ирония — это способ выжить, смеясь, расставаясь при этом со своим прошлым (и прошлым своей страны). Но главное — это защитное приспособление, способ охраны ранимой души. Мы, шестидесятники, умели смеяться. Но в следующую эпоху, как мне казалось, засилье иронии стало свидетельством, что с культурой что-то не вполне в порядке. Ироническая поэзия вытесняла лирическую. Тем радостней мне убедить, что под иронической улыбкой Валерия Хаита — скрыта душа лирика. Впрочем, разве не таковы Гоголь, Зощенко, Довлатов?

...Не стану говорить, что эту толстую книгу — почти в шестьсот страниц — прочел от корки до корки. Но... "выковыривал изюм" — те места, в которых испытывал "чувство глубокого удовлетворения" от полного согласия с автором. Например: "скабрзные подробности. Можно ли обо всем писать"? Это о мемуарах и биографической литературе. Или "Мне было любопытно. Душу это не трогало. Никому не

сострадал" — об очередном современном шедевре, может быть, даже чуде искусства, в котором есть все, кроме самого чуда. Или — "почему душа так отзывается на гармонию? Видимо, она знает что-то такое, чего не знаем мы". По записям видно, что еще совсем молодой Хаит знает: художник не должен суетиться, — и тогда он остается наедине с самим собой и Вселенной. Но как трудно исполнить этот завет! И тут — чтобы закончить статью — приведу данную в книге Хаита цитату, которая совпала с моими размышлениями на эту же тему. Так сказать, "перечитирую".

"...с постмодернизмом сегодня спорить страшно — тебя тут же обвинят в отсталости. Культура распалась сегодня на тусовку... и на творческие индивидуальности, которые утратили потребность группироваться... Их размышления, их творчество — почти частная жизнь. Возможно, в XXI веке из этой мало замечаемой нынешней публикой среды разовьется новая социальная элита — элита, владеющая культурно-историческим опытом мысли и чувства". Нельзя не признать, что главная беда нашей пошлой современности — как раз в утрате массовым человеком этого культурно-исторического опыта мысли и чувства. А как его обрести заново? Да еще в отсутствие культурной среды? Телевизор ли поможет, компьютер? Думаю, есть лишь одно средство — книга. Только нужно... заново учиться читать. Читать так, как читает Хаит. Благодарно! ("Не говори с тоской: их нет, Но с благодарностью: были"). Читать, ведя дневник чтения, размышляя по поводу прочитанного, задавая вопросы, недоумевая, порой возмущаясь. Словом, откликаясь душой, которая, как писал поэт, тоже благодарно помянутый в книге Хаита, "обязана трудиться"...

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...

Строка Бориса Пастернака возникает в памяти при чтении стихов Алены Щербаковой, собранных в первую книгу — "Хранитель шагов".

Алена шла к этой книге несколько лет, имея уже опыт публикаций в журналах, в частности, в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" чуть ли не впервые появились страницы с ее стихами, опыт поэтических фестивалей, полученного там признания и прочих, не менее приятных свидетельств замеченного появления поэта в русскоязычной поэзии Украины. А можно сказать проще и яснее — в русской поэзии.

Кроме этого, в творческой биографии молодого поэта немалую роль сыграло образование, за ее плечами Одесское художественное училище и факультет романогерманской филологии Одесско-

го университета. Первое ее природному дару стихосложения добавило пластическую выразительность и красочное восприятие мира, второе — на фоне усвоенного иного языка обострило интонационное и смысловое звучание родной речи.

Читая стихи Алены Щербаковой, собранные в книгу, на первый взгляд, погружаешься в простор исторических ассоциаций, литературных перекличек, аллегорий, подтекстов, музыкальных метафор. Но, как мне кажется, это только на первый взгляд. Чуткий к поэзии читатель от стихотворения к стихотворению почувствует, что этот "громокипящий кубок", или точнее, этот клубок разноцветных, разнофактурных нитей, этот сжатый в комок пласт исторических "глин" — есть ткань, есть материя, которую пластично, осязаемое тклет, лепит

Алена Щербакова, — ткань своего времени, духовную, эмоциональную материю возраста своего и своего поколения, юность которого пришлось не на "время больших ожиданий", а на апокалипсическое "время перемен".

Стихи Алены Щербаковой наполнены этим "шумом времени", нашего времени, а исторические образы и метафоры для нее не дань учености и образованности, а такие же свои, близкие, в границах которых ей так интересно и понятно, как будто связующая нить времен для нее никогда не прерывалась.

Читателю, естественно, придется потрудиться интеллектуально, расшифровывая этот прошедший по стихам Алены "загадки таинственный ноготь", но удовольствие от этого не станет меньше. Проникая в плоть

стиха Щербаковой, то почти невесомую, акварельную, то густо замешанную на символах, исторических криптограммах, в эту максималистскую насыщенность лексических построений, иногда преодолевая все это не без труда, читатель, тем не менее, слышит чистый проникновенный голос поэта. Сама Алена Щербакова признается: "Перевести же меня можно только на один язык — Любовь". И с автором можно согласиться.

В одном из стихотворений Алена обращается к древней мудрости: "Пройдет и это".

Конечно, к сожалению или к счастью, пройдет возраст, когда "слагаются стихи навзрыд", придет время, когда "нельзя не впасть, как в ересь, в неслыханную простоту".

У Алены Щербаковой выходит

только первая книга. У нее еще все впереди.

Говоря о русской поэзии, можно перефразировать название повести Светланы Алексиевич "У войны не женское лицо". У русской поэзии девятнадцатого века тоже было "не женское лицо", если не считать таковым Каролину Павлову, Анну Бунину или Евдокию Ростопчину, ведь все названные поэтессы внесли и свою посильную лепту в русскую словесность. Другое дело — век двадцатый, упразднивший слово "поэтесса", тем самым признав несостоятельным в поэзии состязание по гендерному признаку. Век двадцать первый эту эстафету принял... И на пути русской поэзии нынешнего века, надеюсь, не затеряется "женское лицо" поэта Алены Щербаковой.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Анастасия МАМОНТЕНКО

ТРИ НЕБА

Весна вышла за середину. Огромный город, напоминающий каменный мешок, широкие улицы, многоэтажки. Гигантские небоскребы похожи на огромные баобабы. В этом городе редко произносится слово "тишина". Многочисленные прохожие куда-то спешат — у них масса дел, они не позволяют себе остановиться, оглянуться и восхититься ярким голубым небом с немногочисленными застывшими облаками. И все они уверены, что чудеса бывают только в книгах и кинофильмах, а в реальной жизни они, к сожалению, никогда не случаются. К тому же ученые, как всегда, все могут объяснить с научной точки зрения. Допустим, что случается с солнцем. Но большинству из нас эти их научные объяснения до лампочки, ведь когда ярко светит солнце, у нас на душе становится светлее, а вот небо, покрывшееся тучами, означает, что вот-вот пойдет дождь. И его первые капли весело прозвенят по асфальту какую-то удивительную мелодию.

На городских клумбах весной расцветают самые разные цветы. Самые разные, но все они прекрасны. За ними ухаживают, как за совсем маленькими детьми. Цветы, кажется, шепчутся, чтобы мы обязательно на них посмотрели. Но облака на небе не переговариваются между собой, вот у нас и нет времени на них посмотреть. Мы часто забываем, что на самом деле каждому из нас подарено две жизни: на земле и на небе.

В моем огромном городе живет старик, не привыкший к роскоши, да она ему и не нужна. Этот славный старик пишет книги, а потом их печатают, и они легко находят своих читателей-почитателей. Жаль только, что старика уже начата готовить долгая жизнь, потому что она слишком большим грузом легла на его плечи.

Вечерами старик бродит по городским улицам и переулкам, где он помнит все камни мостовой. Вот в этом баре он с друзьями пил пиво и обсуждал свою первую книгу. А вот дом, где когда-то жил его самый лучший друг. Совсем недалеко от этого дома находится маленький парк, а в самом его начале скамейка, где они когда-то сидели с его женой, вернее, тогда она была не женой, а девушкой, с которой он время от времени встречался. В этом парке он попросил девушку стать его женой, а ее глаза стали еще нежнее и красивее, и он сразу же почувствовал, что она согласится, что и случилось. Несколько лет назад его жена умерла, и он остался совсем один, потому что детей у них не было. Сердце его опустело. Он перестал ходить в гости к приятелям и никого не приглашал к себе.

Сейчас он в одиночестве сидит под фонарем, струящим на его лицо свой свет, по его сморщенным щекам текут слезы. Ему не хочется, как Фаусту, вернуть себе молодость, потому что его память хранит красоту поздней осени, звуки прибой, ночные звезды, которые выстраиваются в шеренги, а затем распадаются. Он давно уже перестал на кого-то обижать-

ся, но одна обида осталась. Только на кого она? Он с ранней юности собирал книги, у него много интересных изданий, но они его уже не интересуют — стоят мертвым грузом на полках в его кабинете.

Медленно старый писатель идет к себе домой. Швейцар предупредительно раскрывает перед ним дверь. Лифт поднимает его на самый верхний этаж. В его доме больше ста этажей, но лифт преодолевает их быстро и бесшумно.

Старик пьет чай, включает и сразу же выключает телевизор. Он ложится на диван и проваливается в сон. И в этом сне почти сразу же появляется маленькая девочка в белом шелковом платье с изумительно красивым подолом, расшитым золотом и серебром. А на ее голове веночек из лилий. Эта девочка нежно ему улыбается и просит: "Посмотри на небо. Оно такое прекрасное. Просто замечательное. Вспомни, пожалуйста, что у тебя есть три неба, и ты можешь выбрать себе одно из них. Когда ты сделаешь свой выбор, я прилечу за тобой".

Впервые за тридцать лет старик, прихрамывая и спотыкаясь, поднимается на крышу. Ему там совсем не страшно. Утреннее небо светло-голубое. Наверное, думает он, оно напоминает горный хрусталь, а как оно искрится и переливается... И ему захотелось нарисовать это небо.

Он вернулся к себе. Его жена увлекалась живописью, а он только писал о художниках, но никогда кисти к холсту не прикасался. Он достал холст, натянутый на подрамник, нашел краски и кисти, оставшиеся от жены. Первый мазок по холсту был робким и неуверенным. Но он продолжал наносить на холст голубую краску, затем более светлую голубую. И небо ожило на его холсте.

Потом старик пообедал и вновь поднялся на крышу. На этот раз небо показалось ему еще более ярким и каким-то праздничным. И по нему бежали облака, пушистые, похожие на овечки. Старый писатель решил дожидаться заката. И когда закат наступил, небесная голубизна покрылась розово-персиковой пеленой. Теперь небесная гладь состояла из оранжевых, фиолетовых, красных и желтых волн. А еще ему показалось, что нежно-розовые облака обволокла гранатовая сетка. И тогда его сердце застучало, как часы, свободно и радостно. Это небо было ярким и веселым, как его первое стихотворение, напечатанное в газете. Сколько тогда в нем было радости и гордости!

Третий раз старик поднялся на крышу уже ночью. Он боялся, что увидит черное небо, но, слава Богу, этого не случилось: небо было усыпано маленькими яркими звездами, излучавшими живой свет. И ярче всех, словно фонарик, сверкал Марс, а чуть поспокойней две Медведицы — Маленькая и Большая.

Старик долго смотрел на небо. Он уже сделал свой выбор. И на его глазах выступили слезы, почти такие же по размеру, как крохотные звезды-точки на небе. И его душа воспарила в свой последний путь — в это самое необыкновенное ночное небо. А рядом, как ему показалось, летела маленькая девочка в нарядном платице с серебристым подолом, а крылья у нее были такими же пушистыми, как облака.

— Так-так, а он? — Нина изображает интерес.

— Он сел в угол в плетеное кресло и весь вечер не спускал с тебя глаз, его голова выслеживала тебя, как радарная установка. Квадратное лицо, черные тучи под глазами, волосы, как железная щетка, на лбу пасется стая морщин. К тому же Франкенштейн сверкал глазами. Мне было понастоящему страшно! Я видела как наяву: вы выходите за ворота нашей дачи, заворачиваете за угол, и он тут же отъезжает от тебя самый вкусный кусочек. Откуда-нибудь с попы! Сама-то не боялась? — не унимаюсь я.

— Ты же знаешь эту историю, — Нинин вынимает с далекой полки памяти свою романтическую сагу, — я только приехала в Одессу. Первый раз. Он вызвался быть моим гидом. Сказал, что можно остановиться у него. Что у него есть раскладушка! Мне было двадцать лет, поэтому раскладушка не понадобилась. Я увидела Одессу — и влюбилась. И в Одессу, и в Леву. А потом я поняла, что он — гений.

— Ты и сейчас так считаешь?

— Конечно, он гений.

— Ты не пыталась его найти? — спрашиваю я.

— Пыталась, — отвечает Нина низким голосом.

— И что?

Еще не ушел из города снег,
Не вытек водой

из каменных глаз...

Но век его здесь —

как бабочки век —

Полет на три дня и таянье —

с час...

Ему бы лепить сиянье и мощь,

Смелые и легкие его чертежи...

Но он, словно вор,

исчезнет за ночь —

Лови — не лови,

держи — не держи...

Но хрупкость его, его красота

Кольнут невзначай

прохладной иглой...

Опять — не схватить,

опять — не хватать

Нам будет — шагов,

мерцанья его...

2009

Как искренен туман —

Неспешный и неяркий —

Он кутает платан,

Он обживает арки...

Он прячет в свой мешок —

Любую мелочевку...

И кажется Большой

Медведицей — "хрущевка".

Среди его тенет —

Как рыбки — одиноки —

Плывем... А нам в ответ —

Наброски и намеки...

2009

Опять стихаю под ладонью

Седой, заснеженной зимы,

И колокола звон бездонный

(И звон далекий и бездонный)

Мерцает,

как фонарь среди тьмы...

И то, чем сердце он окликнет, —

Не объяснить и не назвать...

И только ночь к душе прикиннет,

Как желтоглазая сова...

2010

Янина ЖЕЛТОН

НИНА И ФРАНКЕНШТЕЙН

— И что ты в нем нашла? — спрашиваю я Нинин.

— В ком?

— В твоём Франкенштейне.

Нинин хихикает. Мы сидим в "Компоте" на Дерибасовской, у нас вечер воспоминаний. У Нинин совсем короткая стрижка, только несколько кудряшек крутятся во все стороны на манер пружинок-антенн. Глаза в свете фонарей смотрят озорно. Она собралась куда-то ехать, но пока не говорит, куда. Франкенштейном я называю ее первую одесскую любовь, Леву Штейна.

— Когда я увидела вас вместе, просто онемела. Пове- рить не могла, что этот монстр закадрил такую красоту, как Нина! — углубляюсь в прошлое я.

— И какой я была? — Нина подпирает кулаком острый подбородок и замирает — хочет слушать.

— Ты была совсем юная, выгоревшие волосы облаком на плечах, открытая спина. Слушай, ты была почти без одежды, цветочные лепестки и загар — и весь костюмчик. Время от времени ты обхватывала его шею своей тоненькой ручкой.

— Еще более мрачный, седой, огромные круги под глазами. Тебе бы не понравился.

— И вы переписываетесь в каком-нибудь Фейсбуке, и он заваливает тебя письмами? — начинаю догадываться я. В этот момент кудряшки-антенны Нинин замирают, уставившись прямо на меня.

— Он зовет меня в Хайфу.

— По Интернету?

— По Интернету.

— Боже, я теряю подругу! Ты уезжаешь к Франкенштейну?!

— Я лечу в Израиль. По странному стечению обстоятельств, мы одновременно свободны. Дети выросли. Времени на раздумья нет. Такого шанса может не повториться.

Передо мной сидела и размахивала руками прожженная авантюристка Нинин. Сияющая и великолепная.

— Ты же помнишь мой девиз? — спрашивает Нинин.

— Как его забыть! — отвечаю я.

И мы вопим хором, пугая официантов и перекрывая звон посуды: "Увидишь любимого из окна трамвая — выпрыгивай! Предлагают — соглашайся".

Михаил ОБУХОВСКИЙ БОЖОЛЕ

1. "Божоле Нуво" прибыло!

...Никто из старожилов не помнит такого щедрого на солнце августа.

Пылаю багровое золото необычайно живописной осени. В Божоле сбор винограда (*vendange*) был решен по хронометру, 1-го сентября. Со всей Европы на короткое время *vendange* съехались сезонные сборщики. Запестрели между рядами виноградников группы, сносящие в заплочных корзинах срезанные кисти "гамэ" к миниатюрным тракторам...

Красное (листья) с желтым (солнце и камень) создавало сказочное, червонное золото пылающих на склонах виноградников. Собираясь осенью на прогулку в Божоле, мы говорим: "Поехали к Ван-Гог", — вспоминаю картину Пушкинского музея. Вспыхивает старинное золото башен и узорчатых стен *Chateaux*, выложенных золотистым камнем из карьера Божоле-Лафарг (цвет свежего излома одесского "ракушняка"). Отсюда и название "*Pays des pierres dorees*: Страна позолоченных камней"...

Будто вычерченные по линейке, бордовые рядки виноградных лоз покрывают большую часть Божоле... А вот и колдовство гениальных строк: "в багрец и золото одетые леса".

Урожай винограда, настоящая удача года, с лихвой превысил квоту Европейского Союза.

Неубранные сизые грозди остались на низких кустах гамэ. Можно пройти по рядам взбегающих по склонам виноградников, лениво нагибаясь, чтобы сорвать понравившуюся кисть. Сладкий густой багровый сок, который скоро даст первое разрешенное к продаже молодое вино: Божоле Нуво, Новое Божоле.

Еще в начале ноября для праздника, который завоевал полмира, тысячи тонн бутылок с Божоле Нуво были загружены в зафрактованные самолеты и отправлены из лионского аэропорта Сент-Экзюпери. И все это для того, чтобы, следуя обычаю, любители молодого французского вина во всем мире (в этом году в 120 странах) ровно в полночь третьего четверга ноября смогли бы первым глотком начать традиционный праздник Божоле Нуво.

В окружении тысяч любителей молодого вина будут одновременно выбиты затычки из украшенных красными листьями и зажженными лозами тяжелых бочек и будет под-

нят первый бокал из струи вырвавшегося вина. Под крики "*Le Beaujolais Nouveau est arrive!*" — "Новое Божоле прибыло!" начнется Праздник, главный девиз которого — "Не бери в голову и веселись!". Люди поют, танцуют, виноградары демонстрируют свое мастерство.

Не знаю, прибыло ли в этом году в Одессу Божоле Нуво, — в прошлом году было продано 16 млн. бутылок Нового Божоле. И для Одессы хватило бы, а уж умения и любви праздновать веселые застолья Одессе не занимать. А может быть, самой Одессе устроить свой Праздник Молодого Шабо (ну конечно, "Всемирный")? И, скажем, в последнюю пятницу ноября праздновать "Шабо Нуво появилось".

А в полночь с боем курантов выкатить на Думскую площадь бочки розового Шабо от Кристофа Лакарена (*Christophe Lakin* — французско-одесский винодел и парфюмер, владелец прекрасных виноградников в Шабо)... Думаю, что Одессе этот праздник пришелся бы по вкусу. И не такие праздники украшали мой Город...

В нынешнем формате феномен "Божоле Нуво" существует с начала 50-х годов. Этот праздник — одна из лучших операций французского маркетинга в ушедшем веке. По просьбе виноделов Божоле в 1951 году правительство разрешило винифицировать и продавать молодое вино раньше других винодельческих районов Франции. И с тех пор в третий четверг ноября во всех городках и деревушках Божоле начинаются шествия с зажженными виноградными лозами, чтобы ровно в полночь начать дегустацию.

С конца 60-х этот фестиваль молодого (нового) Божоле перешагнул границу Франции.

В соответствии с часовым поясом, первыми откупорили бутылки в ночь с 19-го на 20-е ноября в Японии. За границу Новое Божоле отправляют заранее, чтобы быть готовыми по знаку специального инспектора Ассоциации французских виноделов *deboucher* бутылки Божоле Нуво. Во Франции в праздничную ночь на разукрашенных, как в фестивале, площадях для дегустации молодого Божоле выкатывают тяжелые винные бочки. Конечно, назавтра везде вы найдете и бутылки с красочными, часто фривольного содержания, этикетками. Не будет ни одного дружеского застолья, где бы не царствовало только что прибывшее Божоле.

Но вот уже бьют часы... Одиннадцать... Двенадцать!

Ур-ра! Новое Божоле прибыло, господа!
За Город, такой же золотой, как Божоле, за Одессу!

2. Клошмерль

Но Божоле — это не только вино для дружеского застолья. Для нас это еще и окруженная виноградниками деревенька, известная во всем мире под именем Клошмерль! Да! Да! Тот самый!

В 1934 году появился и был моментально раскуплен роман "*Clauchemerle*" Габриеля Шевалье. Этому выдуманному Клошмерлю автор придал черты живописной деревушки Во-ан-Божоле, где он проводил свой отпуск. Персонажи были не выдуманы, а списаны с натуры. На страницах романа поселились знакомые виноделы, юре местной церкви, истинные и лицемерные защитники церковных канон.

Шевалье очень точно вылепил не только колоритных жителей своей деревушки, но и обобщенные образы, в которых себя узнавала вся страна. Крестьянской Франция стала после великой Французской революции, после гильотины и бегства аристократии в Англию (тут мы были хорошими учениками робеспьеров). И сейчас практически любой француз имеет свои корни в деревне и гордится этим.

Французский читатель давно уже так не хохотал от души, узнавая своего соседа, но, как оказалось, еще и себя... Для большинства читателей роман был зеркалом, в котором отражались события в его деревеньке, описанные сочным, смачным, сейчас уже начавшим исчезать языком. "Клошмерль" разбудил в душе французов раблезианские выражения их предков, поднял на самую верхнюю ноту звучание языка простолудина.

В 1948 году по роману "Клошмерль" был снят Пьером Шералем одноименный фильм, выпущенный у нас в прокат под названием "Скандал в Клошмерле".

Название "Клошмерль" нам ничего не говорило, слово же "скандал" — интриговало. Мы, мальчишки с Ремесленной и Чижикова, "каналы" через забор в кинотеатр "Бомонд", — расчищенную после войны развалку. Это был летний кинотеатр, и взрывы хохота были слышны даже на Куликовом поле.

Мы смеялись над выражениями, которые потом растащили на наши знаковые фразы: "застегни штаны, а то потеряешь "эту штучку", — было навеяно знакомством старой девы с "этими штучками", которых она избегала всю жизнь.

Уже здесь, во Франции, я прочел роман "Клошмерль" и смог оценить жемчужины французского юмора и разговорного языка. Современный же французский язык засорен (обогашен?) иностранными словами и выражениями и молодежным сленгом SMS-сообщений.

Когда в 2004 году я консультировал Жака Эмбера, переводившего с русского на французский роман Жаботинского "Пятеро", то удивился схожести некоторых выражений жителей Клошмерля и Молдаванки. (За работу с французскими эквивалентами одесского языка я получил в разделе "Благодарности" титул "Лионский одессит").

Но вернемся к роману.

В чем же скандал?

3. Скандал в Клошмерле

...Божоле готовится к муниципальным выборам, которые традиционно представляют живописный спектакль в каждой деревушке — уж слишком до комичного серьезно относятся здесь к предвыборным обещаниям...

Действующий мэр Клошмерля, чтобы набрать "очки" в гонке кандидатов, начинает грандиозное общественно полезное сооружение, стройку века, — писсуар, общественный мужской туалет.

Почему мужской? — да это французская традиция: всего-то перегородка (или стеночка), которая начинается с 30-40 см от пола. Дородные крестьянские ягодицы присевшей в таком туалете дамы, засветившись, стали бы предметом всеобщего веселого обсуждения. Таких писсуаров во Франции множество (однажды в Париже, в Люксембургском саду, моя спутница была вынуждена воспользоваться таким туалетом под восторженные возгласы и советы собравшихся мужчин; а что было делать?)

Стройка велась на центральной (и единственной) площади Клошмерля. На митинге по поводу официального открытия Писсуара выступил мэр с инаугурационной речью. Затем он перерезал трехцветную ленточку и первым зашел в заведение. Вся деревня могла видеть ногимосье Пиешю и торжествующую струю, которая появилась одновременно с приподнятой мэром шляпой...

Мэр уже видел свое триумфальное переизбрание...

Но прихожане деревенской церкви, находившейся на той же площади, возмущение Писсуара рядом с храмом посчитали оскорблением и призвали к бойкоту заведения с последующим его закрытием.

Граждане же, ставившие облегчение малой нужды важнее облегчения грехов, бросились на защиту Писсуара. Открытые высказывания того, что они думают, вместе с язвительными замечаниями о родственниках не могли оставить равнодушными избирателей Клошмерля, разделившихся на две непримиримые партии: сторонников и противников Писсуара.

Уринофобы, в первых рядах которых сражалась ассоциация богобоязненных женщин, объявили крестовый поход против строительства.

Уринофилы, лишенные доступа в заблокированный Писсуар, обле-

гались ночью под стеной стоявшей рядом церкви. Вот тут-то их и поджидали главные силы антиписсуарной партии во главе с юре.

А при обнаружении справлявших малую нужду в новом сооружении на подмогу мобилизовывался церковный сторож... Ночные рейды сотрясали Клошмерль. Борьба шла в каждом доме, в каждой семье.

Отчаявшиеся мужики, лишенные своего конституционного права пользоваться общественным заведением, "экспроприировали" прямо под окнами церковной приживалки. Вот таким образом и состоялось первое знакомство с "этими штучками" Жюстин Путэ, старой девы.

Это же надо! — всю свою жизнь Жюстин успешно избегала "этих штучек", а теперь должна была осуществлять непосредственное наблюдение за противником.

Для координации борьбы за святое дело Антиписсуарная партия, "ум, честь и совесть" Клошмерля, создала оперативный штаб во главе с баронессой де Куртебиш. Там, в усадьбе баронессы, юре тайно получал свежие разведданные о пользователях Писсуара. А затем уже во время мессы он превращал полученные слухи в слово Божие.

Борьба уринофобов с уринофилами взбудоражила все Божоле. Близлежащие деревни присылали подмогу то одной, то другой партии. Защища Уринура стала "делом чести, доблести и героизма", тогда как противник на меньшее, чем на закрытие заведения не соглашался.

Противостояние дошло до того, что в праздник святого, покровителя деревни, в церкви произошла настоящая потасовка между двумя течениями...

Вести о "войне вокруг Писсуара" дошли до самых верхних кабинетов власти. Сам министр внутренних дел вынужден был вмешаться. В помощь местной полиции для поддержания общественного порядка он послал подкрепление из нескольких десятков (!) жандармов, что и восстановило покой в обычно тихом Клошмерле.

Мэр вернулся к своей основной специальности — виноделию, и чтобы "война вокруг Писсуара" не была напрасна, начал производить молодое вино, названное Божоле Нуво (боюсь, что эти данные получены из ненадежного источника, — в Лионе, в Музее галло-римской цивилизации экспонируются амфоры, в которых хранилось вино на вахических праздниках еще в эпоху римского владычества. — **Автор**), которое оказалось мочегонным. Поэтому дискуссионный клуб Божоле каждый раз открывался в непосредственной близости от предмета самого громкого скандала в истории Божоле.

И сейчас, проезжая по департаментной дороге D63, я сворачиваю по указателю *Vaux-en-Beaujolais*, чтобы отметить на центральной площади городка, который все называют Клошмерль.

Лион, Франция, декабрь 2009 г.

Гая МАРКЕЛОВА

Книга вышла в Одессе

В издательстве "Зодиак" вышла вторая книга искусствоведа Валентины Голубовской под названием "Мама купила книгу" (верстка и дизайн Анны Голубовской), презентация которой прошла во Всемирном клубе одесситов. Эта книга вышла в Одессе. Книга, которую приятно держать в руках, — все продумано, изящно, ненавязчиво. Во всяком случае, не как принято издавать сейчас: либо помпезно — "на все деньги", либо с оскорбляющей скаредностью. Оба эти подхода обусловлены двумя бытовавшими отношениями к книге. Мы все выросли из времени тотального дефицита. В одних домах выстраивались шеренги нечитанных книг в "коленкорных", престижных переплетках, где книга превращалась в "вещь", эквивалентную сноровке и достатку хозяев, либо униженно повисала на гвоздях в местах уединения с вопиющим воззванием: "Помни!". С кем только не приходилось встречаться

в этих местах! И с учебником по физике Перышкина, и с Адамом Сенкевичем, изданным в Варшаве. Спасать готическому Гете от унижительной процедуры, но это для другого повествования. Однако и в этой стране были люди, чувствующие и лелеющие книгу. О них и для них написана эта небольшая, но емкая книжница. Вкус и интеллект авторов делают свое дело и наглядно показывают, как можно создать маленький шедевр без больших денег.

"Не отсюда ли, из детства, из походов по книжным магазинам за руку с папой, не из услышанных ли в детстве разговоров о книгах Аня стала теперь заниматься со вкусом и любовью книжным дизайном?" (стр. 102). Так автор отслеживает проявление таланта собственной дочери. Валентина Голубовская (текст) и Аня Голубовская (дизайн) создали эту книжку, которую они назвали "Мама купила книгу". Она удачно акцентирована репродукцией картины

Л. Межберга "Девочка с ананасами". Теперь о главном, о тексте. По собственной детской привычке читаю все книги с конца. И вот, добравшись до главы под названием "Куда оно делось?", где автор вспоминает о фильдеперсовых и фильдекосовых чулках, в моей памяти всплывает любимое определение: "Память — это болящая девушка-еврейка, убегающая ночью тайком от родителей на Никольский вокзал: не увезет ли кто?". Какова же была моя радость, когда я, добравшись до первой строки, той первой фразы, которая определяет тональность всей книги, читаю: "Только детские книги читать..." — тот же Мандельштам!

Слово "текст", якобы пришедшее к нам из англоязычной литературы и Интернета, все же мне видится мандельштамовским. Это в его, Осипа Эмилевича, прозе создается пространство творения, где единственным инструментом есть точная и честная поэтическая ассоциация,

эта тончайшая "филь", которая соединяет ранящие осколки реального мира, интеллектуальные всплески и достоверные эмоции в единый новый текст повествования — порой саркастичного, порой убивающего своей самоиронией и достоверностью, где токует девушка-память.

Воспоминания — трудный жанр. Со временем истлевает нить причинно-следственных связей, как нить жемчужного ожерелья из раскопок, а ты уже обладаешь знанием о том, что было дальше. Но если убить бабочку... Время проявляет свою неоднородность, распадается, рассыпается, оставляя следы — шрамы, ожоги, рябь... Умение собрать их воедино в правдивый, честный текст и есть задача автора — одесситки, замирающей при звуке трамвая из того, прошлого века, грохочущего по Старорыбной.

Так случилось, что Одесса утратила четкие границы. Она распространена в пространстве и во времени. Она там и тогда, где дышал одесской пылью Александр Сергеевич. Она и там, где ее дети. Она жива в их сердцах. Помнят они, как "томительные июльские стрекоты", и в Австралии, и на Бруклине, а автор только воссоздает одесские

профили, собирая по черточке, улавливая их далекое томление, творит мир, в котором время то сквозит легким бризом Фонтанов, то поднимается бурей негодования, когда затронута честь Воинов во время Дня Победы.

"Мы любил Одессу, зная все несовершенство города, давно ставшего провинциальным, где пушкинское "Там все Европы дышит, веет" вызывало лишь ностальгические чувства по ее "золотому веку" (стр. 77). Это не пьяная кабацкая эйфория ("Ах, Одесса, жемчужина у моря"), а горькая и трезвая констатация. Тональность всей книги сконцентрирована в этой фразе. Тем и будет она интересна читателям разных уровней — просто старым одесситам, библиофилам, искусствоведам — тем, что честна. И о ком бы автор ни говорила, что бы ни вспоминала, а делает она это весьма доброжелательно и мягко, упрекать ее в зависимости или экзальтации нельзя. Свободно, мудро и тонко выстраивает она пространство своих текстов, в которых прописаны только люди и вещи, созвучные ее сердцу. Можно лишь удивляться, как у такой маленькой женщины оно такое огромное и отзывчивое.

Валерий ХАИТ

Здравствуйте, я ваша Мотя!..

Когда Давид Макаревский уехал с женой в Германию, в городе стало как-то пустовато. Конечно, Давид Яковлевич и сам по себе был довольно заметной фигурой, но в силу его живой общительности, любопытства и дружелюбия он в Одессе, а особенно в сердцах одесситов, занимал гораздо больше места, чем любой, даже очень известный в городе человек. Потом Макаревские стали при малейшей возможности приезжать в Одессу, и это ощущение некоторой пустоты и неполноты смягчилось: Дод опять замелькал на одесских улицах, в театрах, в филармонии, и конечно, во Всемирном клубе одесситов, где он был Почетным членом и всегда желанным гостем.

Я знал его и был с ним в дружеских отношениях более сорока лет, но увидел его гораздо раньше.

Когда в 1956-м году я приехал в Одессу из Аккермана и стал студентом ОИСИ (Одесского инженерно-строительного института), то через некоторое время вместе со своими новыми друзьями-сокурсниками стал бывать на разных очень популярных тогда студенческих вечерах. Мы, помню, ходили в Технологический и в Холодильный, где в те годы была очень сильная самодеятельность, регулярно вечера были и в нашем Строительном, но у нас, кажется, увлекались тогда больше джазом, в институте был свой эстрадный оркестр и отличные певцы.

Я не припомню, когда и где первый раз увидел Макаревского на сцене; мне кажется, что это было в технологическом им. Ломоносова на Канатной. А возможно, это было во Дворце железнодорожников, где тоже были в то время очень популярные молодежные вечера. Дод выступал вдвоем со своим напарником (уже потом, по прошествии многих лет, прочитав "Книгу про меня", я узнал, что напарника и самого близкого друга Дода той поры звали Лека), они, кажется, разыгрывали веселые скетчи и пели куплеты.

Все это было очень артистично, я уже тогда почти еще бессознательно отметил и оценил у Дода живую разговорную интонацию: он ухитрялся, говоря громко, даже чуть форсируя (микрофонов тогда, по-моему, еще не было), делать это абсолютно естественно, как в обычном разговоре, отчего эффект от производимого только усиливался: пару приносили на ура...

После окончания института я стал бывать на вечерах уже не так часто, хотя сам пытался что-то организовывать на своей работе. Потом наступила эпоха телевизионного КВНа, играть в него стали все, я собрал у себя в проектно-институте команду, мы, помню, у кого-то там выиграли, меня заметили амбициозные ребята из того же, кажется, Технологического, пригласили в сборную, мы съездили в Москву с заявкой-приветствием, выступили вроде бы успешно, и Одесса официально стала участником сезона КВН 1966-67.

Затем было первенство города, возглавляемая мной сборная проектных организаций с бесхитростным названием Команда КВН "Чкалова, 2а" стала чемпионом, на ее основе была создана сборная, меня избрали капитаном и т. д. и т. п.

Все это было пока без Давида Макаревского. Дело в том, что к тому времени он стал одним из ведущих актеров знаменитого одесского молодежного театра "Парнас-2", с которого начали свой славный путь на эстраде уже невероятно известные в городе Карцев, Ильченко и Жванецкий. "Парнас-2" — это была марка, это было высоко, недостижимо, это было профессионально, в общем, совсем не то, что кавказно-кавказская самодеятельность...

Тем временем одесская сборная выиграла в полуфинале у днепропетровцев, возглавляемых славным Сашей Янгелем (между прочим, сыном главного конструктора "Южмаша" Михаила Янгеля), и попала в финал, где должна была встретиться с непобедимой до сей поры командой московских медиков во главе с обаятельнейшим Матвеем Левинтоном. Ставки резко возросли, на карту уже была поставлена честь города, команду стал курировать секретарь по культуре (или, что то же самое, — по идеологии) обкома партии, которым тогда, по счастью, оказалась мудрейшая Лидия Всеволодовна Гладкая, словом, была поставлена задача ну не то чтобы выиграть у москвичей (об этом тогда даже и не мечтали!) но выступить как можно более достойно...

Слов нет, команда московских медиков сама по себе была грозной силой — достаточно сказать, что режиссером у них тогда был Альберт Юльевич Аксельрод. У них были отличные актеры и авторы, на их стороне был, так сказать, фактор "родных стен", за москвичами, наконец, было то неоспоримое преимущество, что финал сезона КВН 66-67 выпал на год пятидесятилетия Октябрьской революции. Кто, спрашивается, заслуживал победы в этот год — город с великими революционными традициями, к тому же столица нашей Родины Москва, или областной центр с сомнительным революционным (да и всяким иным) прошлым — Одесса?

Но все-таки самым главным оружием москвичей было не это. Матвей Левинтон, непобедимый в то время капитан их команды, невероятно обаятельный, кумир Москвы, любимец жюри и Молодежной редакции Центрального телевидения — вот кто был нашим главным соперником в предстоящей встрече!

Нужно было его как-то нейтрализовать, хотя бы ослабить, попытаться выбить из седла, заставить нервничать. Так рассуждали наши стратеги из авторской группы — и придумали. Не помню, кто из них первым сказал эту фразу, но она решила все. "Нам нужен Додик Макаревский", — сказал, кажется, Валя Крапива. Или Юра Макаров. А возможно, и Юра Волович, который к тому времени уже был участником одного из спектаклей театра "Парнас-2". Фраза была произнесена, и всем сразу стало ясно, что выход найден. Тут же был придуман сюжет с оптимальным использованием Дода в приветствии команды. Именно в приветствии: Левинтон должен получить удар сразу — он как главная сила команды участвовал почти во всех конкурсах, а значит, был невероятно опасен... Словом, нами была разработана секретная операция, где главным действующим лицом был именно он — Додик Макаревский, внешне похожий на Мотю Левинтона, во всяком случае, такой же большой и обаятельный...

Медики в приветствии выходили, естественно, в белых халатах. Так вот, авторами было придумано, что в какой-то момент уже нашего приветствия на сцене в белом халате должен был появиться Макаревский и, обаятельно улыбаясь, произнести sacramентальную фразу: "Здравствуйте, я ваша Мотя!..". И все! Больше от него ничего не требовалось... Главным же было то, что до самого момента встречи соперники не должны были об этом даже догадываться.

Додика нужно было как-то спрятать. А это, учитывая его габариты, было, как вы догадываетесь, сделать совсем не просто. Но как это ни удивительно, скрыть Дода все-таки удалось...

Мы знали, что медики придут нас встречать. И вот, когда поезд подходил к Киевскому вокзалу, Додик перешел в другой вагон. И когда мы прибыли и стали шумно здороваться, даже, кажется, обниматься с медиками, он незаметно вышел и проследовал к нашему автобусу, где его уже ждали назначенные нами люди. Дод сел на заднее сиденье, его тут же завалили декорациями и костюмами. Через несколько минут и остальные разместились в автобусе, и мы поехали в гостиницу. На следующий день в знаменитом телевизионном театре на площади Журавлева начались репетиции. Или, как их называли телевизионщики, трастовые прогоны. Присутствовать на них никому не возбранялось. В том числе и соперникам. Конечно, мы могли попросить удалить из зала посторонних, но, во-первых, это было не совсем поджентльменски, а во-вторых, сразу вызвало бы подозрение, что готовится какой-то подвох. Да и, честно говоря, мы совсем не были уверены в том, что телевизионщики тут же не поделаются со своими земляками увиденным и услышанным. Поэтому Дод в репетициях не участвовал, и вообще, в телетеатре не появлялся. Он гулял по Москве, успел посмотреть несколько московских спектаклей (Дод всегда был большим театралом), словом, отдыхал и развлекался. Мы же, репетируя приветствие, в том месте, где был выход Дода, начинали дурачиться, плести какую-то чепуху, вместо него на сцену иногда выходил я, вообще не участвовавший в приветствии, называл какие-то цифры, формулы, причем иногда становился в позы и произносил всю эту белиберду с этаким многозначительным пафосом. Никто ничего не понимал, редакторы Молодежной редакции заволновались — тогда был прямой эфир, и они за все произносимое на сцене отвечали головой. Мы их успокаивали, говорили, что так и будет на передаче, что это такой абстрактный

юмор. Присутствующие в зале представители соперников тоже выражали удивление, но особенно не волновались: они были очень уверены в себе, и им достаточно было убедиться, что бояться Одессы нечего, ничего такого особенно смешного она в Москву не привезла...

Но вот настал день встречи. Ажиотаж, помню, был невероятный. Еще бы: любимцы Москвы во главе с самим Мотей Левинтоном встречались с командой Одессы — города авторов "Двенадцати стульев" и "Золотого тельца". И вот звучат знаменитые позывные: "В урочный день, в урочный час мы снова рады видеть вас — веселых, любознательных друзей...", игра началась...

Первыми показывают свое приветствие москвичи. Выступают, как всегда, блестяще. Их болельщики неистовствуют... В это время за кулисами появляется Додик. Достает из сумки белый халат, надевает его и, спрятавшись в кулисах с нашей стороны, ждет своего выхода. Не участвующие в приветствии члены команды медиков замечают его, в их рядах начинается легкое беспокойство... но поздно: Света Жильцова и Саша Масляков вызывают на сцену команду одесситов. Ребята бойко приветствуют соперников и зрителей. Наши болельщики тоже помогают, как могут. И вот приближается решающий момент. Дод мне потом рассказывал, что за кулисами к нему уже вроде бы шли двое или трое медиков, видимо, спросить, что он тут в белом халате не на своей стороне делает... но не успели: после соответствующей реплики Дод шагнул на сцену, шеренга одесситов раздвинулась, он вышел вперед, мило улыбнулся и произнес: "Здравствуйте!.. Я ваша Мотя!..". Зал на секунду опешил. А потом взревел. Причем реакция московских болельщиков была чуть ли не сильнее, чем наших...

Все, дело было сделано. И хотя приветствие тогда, кажется, еще не оценивалось, настроение в зале и в жюри заметно поменялось. Москвичи перестали быть явными фаворитами, и началась настоящая, во многом равная игра. С одним уточнением: Матвей Левинтон действительно был выведен из равновесия — он как-то перестал улыбаться, на лице даже появилось с трудом скрываемая обида, и хотя в конкурсах был по-прежнему хорош, чего-то в нем недоставало, добродушия, что ли?.. А в завершение случилось вообще невероятное — он проиграл мне блестяще подготовленный им конкурс капитанов, проиграл именно потому, что был как бы не в своей тарелке, отчего злился и вообще перестал улыбаться...

Да, игра и впрямь оказалась равной, о чем и сообщило в результате высокое жюри. Потом, тут же на сцене, был брошен жребий и разыграны медали. Так получилось, что нам достались золотые, а медикам серебряные. Что не помешало нам на многие годы стать близкими друзьями.

Операция "Здравствуйте, я ваша Мотя!.." была успешно завершена...

Мы вернулись в Одессу триумфаторами. Давид Макаревский, который и до того был достаточно известен в городе, стал просто звездой. Я помню пользовавшиеся огромным успехом концерты нашей команды в Летнем театре Городского сада, где Дод был чуть ли не центральной фигурой. В нашей команде вообще было много ярких запоминающихся личностей, но на сцене Дод был первым, главным, к нему тянулись все нити, его эстрадный опыт давал о себе знать. Он был ограничен на сцене, и в отличие от суетящихся нас, чувствовал себя на ней, как дома...

Впрочем, концерты эти, кажется, были позже, летом 70-го, после нашей тоже незабываемой встречи с бакинцами, где Макаревский, уже будучи к тому времени полноценным членом команды, блистал в нашем домашнем задании. Я помню, с какой неподражаемой интонацией в сцене "Интеллектуалы", все участники которой расположились на роле, Додик произносил: "Слышали? Тунгусский метеорит прилетел? — Так он вроде уже прилетал! — А я про тот случай и говорю..."

Я пишу как бы на тему "Давид Макаревский и одесский КВН", хотя понятно, что это всего лишь один, к тому же не самый важный сюжет из его невероятно активной творческой жизни в нашем городе. Есть еще не менее впечатляющие темы, такие, как: "Макаревский в театре "Парнас-2", "Макаревский — актер самодеятельных театров", "Макаревский — участник знаменитых одесских капустников", "Макаревский в театре "Комедиум", "Макаревский — литератор и мемуарист".

Я надеюсь, что обо всем этом тоже напишут, причем напишут те, кто знает обо всем этом гораздо больше, чем я. Хотя если говорить о моментах его биографии, которые я знаю лучше, чем другие, то кроме участия в КВН это еще и самое начало сюжета "Макаревский — литератор".

Толчком к тому, что Давид Яковлевич стал писать, послужила фраза Михалыча Жванецкого: "Дод, ты единственный из нас, кто все помнит. Если ты не напишешь о "Парнасе", все уйдет в небытие... Напиши, Дод! Это мое тебе задание... Деньги я дам...". Я случайно при этом присутствовал и добавил: "Дод, когда ты все напишешь, давай рукопись мне, и мы ее издадим. Все сделаем бесплатно...". К тому времени я уже несколько лет был редактором журнала "Фонтан", и мои люди могли легко подготовить книгу к изданию. Так и получилось. Макаревский довольно быстро написал весьма объемистый текст, причем сразу придумал точное для книги название; помню, как он гордился этой своей придумкой — книга о театре "Парнас" называлась "Книга про нас": "Слышишь, как названия переключаются?..." — говорил он мне. У Дода сохранилось много фотографий, афишек, пригласительных билетов, даже рецензий на спектакли "Парнаса" — все это мы включили в книгу, а часть фотографий даже использовали для обложки.

И вот книга вышла. Я помню, как во Всемирном клубе мы устроили ее презентацию, как доволен и воодушевлен был Дод (они с Люсей специально приехали в Одессу как раз к выходу книги), как приятно ему было слышать лестные отзывы о своих воспоминаниях (к моменту презентации книгу уже многие успели прочесть). Дод был весел, добр, очень лихо шутил. Он как-то даже явно помолодел, посвежел, — чувствовалось, что в нем опять появилась уверенность: он на месте, он нужен, нужен друзьям, зрителям, одесситам, нужен Одессе. Родной Одессе, которой он отдал всю свою такую яркую и неповторимую жизнь...

Аркадий ВАЙНЕР, Эдуард КУЗНЕЦОВ

"Ликвидация"

Одесса в очередной раз громко напомнила о себе. Произошло это благодаря ряду исторических и бытовых обстоятельств, увязанных в тугой узел. Речь идет о телесериале "Ликвидация", снятом в 2007 году. Его посмотрело огромное число зрителей; он занял довольно высокое место в ряду кинофильмов последних лет.

В большинстве отзывов о сериале можно найти одобрение картины, восхищение работой актеров и всего съемочного коллектива. Были, конечно, и критические замечания, связанные, в основном, с несбалансированностью эпизодов по длительности и значимости, с неоправданными длиннотами во второстепенных деталях и скороговоркой в основных. Но главное — случилось: фильм состоялся. Одни увидели в нем занимательный боевик, интересный рассказ об исторических событиях, другие погрузились во времена их детства и юности, узнавая полузабытые детали ушедшей эпохи, третьи успели насладиться экзотическими приметами легендарной Одессы. И для одесситов появилась богатая пища для разговоров: ведь у каждого из нас Одесса — своя. Нельзя было не обратить внимания на то, что дорого любому: на Дворец моряков, Приморский бульвар, Ланжероновскую, Молдаванку... Конечно, старожилы могли найти в фильме немало несоответствий — исторических, краеведческих, бытовых, — но они не повлияли на успех картины.

Одесская экзотика нелегко далась участникам съемок; особенные проблемы были с образной речью. Чтобы в полной мере соответствовать ее своеобразию, один из авторов сценария вынужден был несколько месяцев бродить по одесским улицам, мотаться в общественном транспорте, подслушивая разговоры жителей, вникая в особенности смачного одесского говора. Однако существует мнение, что речь персонажей все же оказалась чересчур насыщена мифическими одессизмами: в послевоенные годы такой густоты в ней уже не наблюдалось.

Режиссер фильма Сергей Урсуляк, на первый взгляд, к Одессе не имел никакого отношения. Родился он в Петропавловске-Камчатском, сменил много мест жительства. Снимая фильм, он провел в Одессе около семи месяцев и искренне полюбил этот город. Урсуляк и сам в чем-то напоминает одессита — по проскальзывающим интонациям в разговоре, по мгновенной юмористической реакции на все происходящее. Неожиданно выяснилось, что все это неспроста — его бабушка была родом из Одессы.

Урсуляк любит и умеет работать с актерами, и актеры платят ему взаимностью. Ему нетрудно собрать для участия в очередной съемке самый звездный состав. В фильме "Сочинение ко Дню Победы" у него с удовольствием снимались ныне великие М. Ульянов, В. Тихонов, О. Ефремов. И в "Ликвидации" режиссер подобрал уникальный актерский ансамбль, начиная от своей супруги Лики Нифонтовой (Нора) и до главных и второстепенных ролей, в которых оказались заняты Владимир Машков (Гоцман), Сергей Маковецкий (Фима), Михаил Пореченков ("Академик"), Светлана Крючкова (тетя Песя), Александр Семчев (Эммик), Владимир Меньшов

(Г.К. Жуков), Ксения Раппопорт (Ида) и др.

Несомненно, Одесса оказалась главным действующим лицом фильма. Вся интрига картины и все ее герои теснейшим образом связаны с городом. Начать с Георгия Константиновича Жукова. В 1946 году И. Сталин снял его с должности заместителя министра обороны и назначил командующим Одесским военным округом. После громкой послевоенной славы это была неслыханная опала. Но не таков был Жуков, чтобы растеряться и сникнуть. Как он сам писал: "Я твердо решил оставаться самим собой. Я понимал: от меня ждут, что я стану другим, что махну рукой и буду командовать округом через пень-колоду. Но я не позволил себе этого".

Полтора года провел Жуков в Одессе: он жил на даче, на берегу моря в Санаторном переулке. В это время многократно встречавшийся с ним на фронтовых дорогах (еще с Халхин-Гола) одессит Лев Славин послал ему свою только что вышедшую книгу с надписью, содержавшей такие строки:

*Вы одинаковы везде,
И вы не можете иначе:
Вы не заноситесь в удаче
И не сгибаетесь в беде.*

*Так оставайтесь до конца
Каким я вас звал когда-то:
Проникновенность мудреца
Плюс прямоту солдата.*

В фильме Жукова играет Владимир Меньшов. Роль ему досталась не очень заметная, да он и не старался сделать ее выигрышной.

Сказалось и отсутствие материала, и природа, присущая артисту. Его работа в кинематографии как актера и режиссера воспринимается неоднозначно. С одной стороны, он — знаменитость (как же — оscarоносец!), с другой — вроде на обочине. Достаточно вспомнить несколько эпиграмм, весьма скептически оценивающих его вклад в киноискусство.

Ю. Благов о фильме В. Меньшова "Ширли-мырли":

*Этим эталоном эксцентризма
Зрителю почувствовать дано,
До каких высот идиотизма
Наше добирается кино.*

Двусмысленна эпиграмма В. Волина, завуалированно намекающая на неожиданные симпатии американцев к заурядному советскому фильму В. Меньшова:

*Вы — труженик, и в полной мере
Отмечен "Оскаром" ваш труд:
Хотя "Москва слезам не верит",
Зато поверил Голливуд!*

Так или иначе, Жуков в исполнении Меньшова в фильме практически не обратил на себя внимания. Другое дело Владимир Машков. Конечно, выражаясь по-одесски, за его успех в картине говорило многое: главная роль, богатая драматургия, многоцветный образ. Но все это не само шло в руки. Машкову немало пришлось порудиться, чтобы стать похожим на одессита. Он почти целый год жил в Одессе, общался с теми, кто мог ему помочь погрузиться в послевоенную эпоху (от работников одесской милиции до "авторитетов" воровского мира). В чем-то его собственная судьба перекликалась с судьбами героев с "крутыми" биографиями. Он неплохо знал обычаи криминальной жизни, что помогло ему достоверно воссоздать образ главного героя в картине "Вор". Воплотиться в одесского прототипа Гоцмана — Давида Марковича Курлянда (сироты, детдомовца, замначальника одесского УГРО) — было для него проблемой не столько трудной, сколько увлекательной.

Машков быстро достиг профессионального успеха. Сегодня он (среди немногих) входит в состав Гильдии актеров Голливуда, являясь самым высокооплачиваемым актером в России. Ничего удивительного, что и шаржи, и эпиграммы, посвященные ему, отмечают его профессиональные достижения.

А. Барахович:
*Что может дать актерский труд?
Он пишу дал для разговора:
"Обычно осуждают вора.
Машкову — премию дают!"*

В. Дабужский:
*Нету слов — талантлив он.
Все Машков сыграет ярко.
Вот его диапазон:
От "Вора" до "Олигарха".*

Посередине этого диапазона — работник УГРО в "Ликвидации". Есть все основания считать, что Машков в этой роли останется в памяти не как очередной "мент", а как привлекательный человек — одессит Давид Маркович.

Ни в чем не уступил Машкову Сергей Маковецкий. И хотя его роль в сериале оказалась непродолжительной, он сыграл ее броско, и без сомнения, запомнился зрителям. Пожалуй, ему достался один из самых противоречивых образов фильма, но для него — считающегося мастером экстракласса, способным справиться с любыми трудностями на сцене и в кино, — он не оказался проблемным. Маковецкий сегодня чрезвычайно популярен, его нарасхват затаскивают в свои картины Н. Михалков, А. Прошкин, П. Чухрай, С. Соловьев, В. Хотиненко, А. Балабанов... В отдельные годы случается до семи премьер фильмов с его участием.

Д. Мезенцев на С. Маковецкого:
*Не маской грима и гримас —
Талантом покоряет нас!*

Наверное, многих удивила легкость, с которой Маковецкий сыграл одессита. На то есть свои причины, ведь его жена — одесситка.

Они познакомились в 1983 году, когда Маковецкий снимался в Одессе в фильме "Я сын трудового народа", а она работала редактором Одесской киностудии. Наверно, жена могла подсказать артисту какие-то особенности поведения, присущие истинному одесситу.

Не только актеры, сыгравшие главные роли, обратили на себя внимание в "Ликвидации"; роли второго плана сказались не менее яркими. Особенный восторг зрителей вызвала тетя Неся в неожиданном исполнении Светланы Крючковой. Несмотря на всю экстравагантность образа, ее героиня оказалась вполне реальной, в отличие, например, от мертворожденной эстрадной схемы Тети Софии Клары Новиковой. Не случайно на Крючкову посыпался град благодарностей от зрителей (в том числе одесских). Ей был посвящен своеобразный триптих Е. Шаха:

*Нам подарила тетя Неся
Всю ностальгию по Одессе
И тот особый колорит,
Что "за Одессу говорит".*

*У всех евреев
вызывает восхищенье
Ее способность
перевоспощенья,
Актрисе русской явно не вредит,
Что ей доступен "идиш и иврит".*

*Ее игру
я с правдой жизни сверю.
Сам Станиславский бы
сказал ей: "Верю".
Лед русских слез
еврейским юмором залит,
На нем споткнется
ни один антисемит.*

Наверняка "Ликвидацию" еще не раз покажут на телеэкранах, и картина снова вызовет заинтересованную реакцию зрителей: ведь она сделана людьми неравнодушными, высокими профессионалами. А то, что речь в фильме идет об Одессе и одесситах, неизменно будет сообщать ему дополнительный шарм и привлекательность.

Кадр из фильма "Ликвидация"

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.